

ПИОНЕР

№ 3

Д В У Х Н Е Д Е Л Ы И
Д Е Т С К И И Ж Н А Л

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СОВЕТЫ ВОЖАТОГО

Л. Глатман

Работа пионеров с беспризорными

Ребята, вы, конечно, знаете, что беспризорные дети, наполняющие улицы наших больших городов, дети трудящихся—рабочих и крестьян, попавшие на улицы из-за голода или смерти родных.

Пионеры—товарищи и друзья детей рабочих и крестьян всего мира—должны помочь беспризорным выбраться из той ужасной жизни, которую они ведут, жизни, полной лишений, голода и холода.

Но как же это сделать?

Давайте поговорим об этом!

Конечно, не скудными копейками, которые пионер возьмет у отца или матери и пожертвует на борьбу с беспризорностью, поможет он в этом деле.

Помочь можно: поместив беспризорного в семью или учреждение, работая с беспризорными в приемниках, распределительных, трудом в ячейках «Друг Детей» и т. д.

Часто беспризорный, особенно недавно пришедший в город из деревни, нуждается в совете. Нужно растолковать такому парнишке, как пойти в Отдел Народного Образования, где он поместится, свести туда.

Нужно помочь отыскать кустара, который захочет взять его в учение, или крестьянина, который захочет взять его в свое хозяйство.

Если беспризорный пришел в отряд, или вы, ребята, сами привели его и некуда поместить его на первое время, нигде его не принимают, потому что все детство переполненное, нужно договориться через ячейку комсомола с ф-кой и устроить ему питание в фабричной столовой; жить временно он может в пионерском клубе.

Главное, ребята, не оттолкнуть беспризорного, а постараться помочь ему всем, чем возможно.

Беспризорный, долго живший на улице, привыкший к ее шуму и суете, не легко уживается в приемнике, куда его направляют, и часто бежит отсюда. Нужно пионерскому отряду своей работой в приемнике, своими играми, песнями, увлекательными рассказами и беседами, экскурсиями на производство, трудовой работой в мастерских завлечь беспризорных, заинтересовать работой и тем самым отвлечь от улицы и ее влияния.

РЕБЯТА!

Читайте журнал
московских пионеров
„БАРАБАН“

и

газету

„ПИОНЕРСКУЮ ПРАВДУ“

ОРГАН

Московского Бюро Юных Пионеров

Цель работы здесь—помочь государству перевоспитать ребят и изучить их к новой трудовой жизни.

В трудкоммунах, колониях и др. прикрепленные пионеры должны стремиться своей работой связать беспризорных с фабрикой или селом, устраивая взаимные

посещения, экскурсии на фабрику, в садик, чтобы ребята не жили замкнутой жизнью, а принимали участие в окружающей их жизни. Здесь беспризорные живут постоянно, и нужно вести работу так, чтобы втянуть их в организацию.

Большую работу можно провести с беспризорными на площадках беспризорных, а также и на своих пионерских. Нужно привлечь их на площадку, заинтересовать ее работой, организовать массовые праздники, игры и физкультуру.

На площадке нужно обучать беспризорных грамоте, выпускать стенгазеты, обучая составлению ее, проводить громкие читки книг, экскурсии, трудовую работу—уход за насажденными и т. д.; на этой работе пионерам нужно учить и сплачивать ребят, приобщая их к отряду и втягивая в его работу.

Кроме того, нужно принять участие в работе «Друг Детей», помогая ей добывать средства на работу по предупреждению беспризорности. Нужно вести агитацию среди взрослых за вступление в члены ячейки, организовать уток беспризорных в клубе или избирательные, участвовать в вечерах, утренниках в пользах беспризорных, в кампаниях, «месячниках» и «недельниках», участвуя в лотереях, сборах и т. д.

Нужно помочь также вести работу ребятам, родители которых заняты и не могут следить за ними, втягивать их к себе в клуб и отряд и тем самым отвлечь их от улицы, не давая им сделаться беспризорными. Для этого нужно знать всех беспризорных и нуждающихся в помощи ребят своего дома, проводить с ними работу во дворе, на улице, возле дома, постепенно вовлекая к себе в клуб и отряд. Пионеры должны добиться помощи в ячейке «Друг Детей», в домоуправлении для ребят, которые не могут посещения школы из-за отсутствия обуви, для ребят, у которых умерли родители или родителей арестовали.

Некоторых ребят дома совсем бьют, не пускают в школу, выбрасывают на улицу в сильные морозы и т. д. Ребята уходят на улицу, попадают по безармам и часто попадают там под влияние беспризорных.

О таком отношении к детям пионеры должны сообщить в домоуправление и ячейку «Друг Детей», на предприятие, и через них добиться помощи.

СОДЕРЖАНИЕ: Статя и Л. ГЛАТМАН.—Работа пионеров с беспризорными. А. ВОЛКОВ.—Пора подумать о летних экскурсиях. Повести, рассказы и пьесы: Черный пр.—повесть Л. ГУМИЛЕВСКОГО (продолжение). Пугаченко—рассказ С. АУСЛЕНДЕРА. Заговорил—пьеса—шарж Б. ЮРЦЕВА. Наша жизнь: Наши братья на Западе и В-стоке. Мастер на все руки: Как делать плакаты—Д. ГОРЛОВА. Просим ответить. Задачи. Кино-роман.

Иллюстрации художников: И. ДУБАСОВА, В. ПСКРОВСКОГО, В. СУТЧЕВА. Фотографии: Ф. ЗУБКОВА и др.

Обложка художника В. ГОЛИЦЫНА.

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м.	3 р. — к.
» 6 .. .	1 .. 60 ..
» 3 .. .	85 ..
» 1 .. .	30 ..

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ
и КОНТОРЫ

Москва, Н. площадь
6/7, Издательство
„Молодая Гвардия“

СЛУШАЙ, ПИОНЕР!

Саша Волное

Пора подумать о летних экскурсиях

Лето красное близится, хоть на улице и трещат морозы, хоть и снегу кругом горы намело, а все-таки день прибавляется. Еще месяц-другой, и везде зазвенят ручейки—и малые и большие. С юга потянутся вереницы журавлей, гусей и разных птиц.

Пора пионерам подумать о том, что они будут делать летом. Пора готовиться к летней работе.

Посмотрим друг на друга. Какие мы стали за зиму бледные, чахлые, зеленые! У многих голова частенько болит. А все оттого, что зимой приходится много времени в душных помещениях проводить.

Конечно, за лето мы должны поправиться. Мы устроим площадки в городе, устроим в деревне свои лагеря.

Но мало этого, стоит затеять еще одно дело. Кто из нас, пионеров, не мечтает иногда о путешествиях? Как хорошо было бы взеном или отрядом отправиться куда-либо путешествовать—в деревню, в другие города! Сколько веселых радостей дадут такие путешествия! Как много нового, интересного узнается! А сколько закалки и силочения получит взено или отряд!

Почему бы в этом году нам и в самом деле не взяться за путешествие? Ведь, отправиться можно

до какого-либо места поездом, а потом пешком немного пройти, а то и в лодке проехать. В одиночку, без вожакого отряда, конечно, нечего и думать о далеких экскурсиях.

Куда можно было бы отправиться на такую экскурсию? Да в каждой губернии, в каждом уезде есть столько интересных мест, что всем пионерам места хватит.

Подумайте-ка об этом, пионеры. На первом же сборе совета отряда обсудите, надо ли делать такую экскурсию. Вероятно, у вас много будет предложений—поехать в разные места.

Куда поехать, не решайте в первый раз. Оставьте это до следующего сбора совета отряда. Но ко второму сбору всякий предлагающий поехать в какое-либо место, пусть прочтет в книжках, спросит учителя, родных о том, чем интересно то место, которое он выбрал.

Надо, чтобы на втором сборе совета каждый предлагающий свое место, доказал, чем особенно важно это место. Только обсудив это, и можно решить вопрос о месте экскурсии.

Следующие сборы совета отряда должны наметить план подготовки к экскурсии. Ведь, прежде чем поехать, надо заранее в отряде всем

пионерам узнать, — кто и как живет в тех местах, куда намечается экскурсия, какие там заводы, как там проходила революция.

Некоторые, верно, скажут:—это в деревне не сделаешь. А вот и неправда. И в деревне можно экскурсию на несколько дней устроить—в другие отряды, на опытную сельхозстанцию в уездный город. Время тоже в деревне найдется,—хотя бы перед покосом.

Конечно, дальнюю экскурсию на все лето устраивать не годится. Недели две-три будет на первый раз достаточно.

Надо добиться, чтобы комсомольцы, партийцы, родители помогли в этом деле пионером.

Поняли, пионеры? Хотите вы заниматься, знаний набраться, людей посмотреть,—подумайте об экскурсиях. Возьмитесь-ка за карту своего уезда или губернии, поищите там места для вашей экскурсии. И всем взеном, всем отрядом вместе с вожаком готовьтесь к летним поездкам!

Пионеры, обязательно напишите нам в редакцию, куда вы решили поехать, как вы готовитесь. Мы с большим удовольствием дадим вам всякие советы, указания и через журнал и особым для вас письмом.

Лев Гумилевский

Рис. худ. И. Дубасова

ЧЕРНЫЙ ЯР

Роман

(Продолжение)

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕРВЫЙ ШАГ

С тако согнал Егорка на дугой день, вечером, и проводил намолоду корову до Софрониной избы. Аксютка улыбулась ему и удивлялась, когда он пошел в избу.

— У вас ночью, — сказал

Егорка, — переменить очередь. У Коршуновых одна старуха дома — все в поле. Ничего вам так будет?

— Нам то? — покраснела Аксютка, — нам то ничего, Егоршник. Только тебе как? Я ведь на завтра блины хотела принести...

— Ну, и я без блинов... — отмахнулся он, что есть, то и ладно. А лучше мне у вас побыть — отец-то твой дома?

— Сейчас будет и он. Скоро ужинавать — черствят.

Егорка остался на крыльце ждть. Аксютка убрала корову, вернулась, пришла старуха.

— Говорят, ты песни хорошо поешь, — сказала она, — а мне вот не довелось услышать. Спой чегонибудь мне. Только грустное, чтоб за душу хватало. Не охотница я до веселого...

Мальчик посмотрел на нее, потом задумчиво покачал головой, сказав точно для себя:

— А не спеть ли в самом деле?

— Только хорошее, да чтобы на правду было и хожке...

Девушка смотрела на пастуха и ждала. Он сунул в колени смотанный на кнутовище бич, подпер руками голову и начал как то сразу, вдруг, незаметно — точно продолжал говорить, не меняя голоса и позы. Для него песня, как простая разговорная речь, была одинаково легка. Разговаривать с самим собой в пустом поле нелегко, а петь хорошо, и случайный прохожий поймет на песне, не скажет лишнего раз:

— Прощайший шаг, — как есть шмамедий.

Оттого так сливались в него песня с простой речью. Голос же Егорки низкий, задуманный и чистый менять было нечаянно: он и без того вникался куда то в неведомую человеческую глубину. Девушка прикрыла глаза и боялась вдохнуть трюмо, а Егорка покачивал головой в размер своей песни и рассказывал о заботой деревне, о старой ворожее, о глумлении председателя, верившем ее ружье и о ни в чем неповинном мужике, которому грозила беда.

А и звали того председателя Иваном Петровичем Дорониным, И грозила беда неминула Мужику Софрону Ивановичу...

— Это стало быть мне? — обормал вдруг Софрон, подошедший сзади и тихонько

пристывший у крыльца, чтобы не сломать песни, — про меня ты песню поешь, Егор?

— Про тебя, Софрон Иванович!

— Не врешь?

— Своими глазами видел, своими ушами слышал. Затем и очередь переменял у тебя нечаянно, чтобы предупредить.

— Кишше, фурыга! — ступая на Кокуй! — крикнул тот на старуху, высунувшись в окно, и, когда седая голова исчезла, пошел к Егорке, — ну, спасибо Егор! Доронину меня глыбы руками не брать, а пок! — ступай-ка в избу, накрывай на стол, — я ворота колом припру.

Егорка кивнул головой и пошел за девушкой. Старуха Ульяна Петровна встретила парня сердито:

— Ты что путаешься в чужие дела? На начальство идешь — смотри!

СНЕЖНЫЙ ВОЙ

Ветер воеет. Снег летит, Миша громко всем кричит: Эй, ребята! Все за мной! Славный будет у нас бой!

Все ребята горячились, На две партии разбились, И пошла вот здесь потеха: Дело было не до смеха.

Эй, ребята посмелее Нужно всем сейчас нажать! И от ихнего напора Враг пустился удирать.

Тут снежки, как только ядра, Попадали им вездех, Ударяли без оглядки, Каждый думал о себе.

Победитель торжествует. С криком, гамом все бешуют. Наша сила, как гора, Прокричали все ура...

Николай Карасев

Пионер 1-го Тамбовского отряда ю. п. им. К. Айбиксета

Он и помолчал, но за ухом старуха не давала ему покою.

— Дар божи! грех вылаки! колоты! — ворчала она, вырывая у него вилку, когда он тунулся за куском хлеба, — безбожник!

— Что ж мне без хлеба есть?

— Все хлеба не ест, да не вывет!

Софрон оставил ее ворчанье сурьвым окриком. Ст гуха и замолчала. В пастушьяй тишине под высокими окнами послышались шаги и голоса. Софрон вскакал с места.

— Похоже, что его голос! — прислушался Егорка, — спрячься Софрон Иванович!

М. жик растерянно погрозил огромным кулаком в окно. Как будто в ответ на

эту угрозу в ворота начали стучать. Софрон кивнул Аксютке — та вышла и спросила трюмо:

— Кто там?

Из избы было не слышно слов с улицы, девушка крикнула в ответ:

— Ой, боюсь открыть — отца дома нет. Придите уж! когда он будет.

— Отпры! — донеслось отчетливо вместе с яростным трюмом в калитку.

Девушка вернулась в избу, не зная, что делать. Софрон нахлобучил шапку, шепнул на ухо Егорке:

— Спрячься на пожарнице, там не сидят с собаками! Утром прибеги, Егоршник, расскажи, в чем дело, как в поле выйдешь.

— Тягенька, беги скорее...

Девушка сунула руку ломать хлеба в карман. Софрон тихо вышел на крыльцо и ушел задним двором на гумна.

Егорка торопливо открыл калитку:

— Девушка испугалась, открыть боится. Входите.

Иван Петрович пришел с секретарем и милиционером. Он подозрительно оглянул двор, избу, Егорку и Аксютку, спросил:

— Отец где?

— Картошку допалывает за Зеленым клином.

— Скоро вернется?

— А не знаю. Может, вернется к ужину, может — быть, и заночует там.

Иван Петрович посмотрел на секретаря. Тот проговорил торопливо:

— Лучше всего подождать, Иван Петрович, часок. Надо враслох захватить.

— Подождем.

Он усеял за стол, играв новыми сапожками. В избе все потише поглядывали на председателя сапоги и улыбалясь.

— Ты что рожу кривить? — крикнул тот на него.

— А ничего. Хороши сапоги очень. Со скрипом?

Иван Петрович прошлся по избе, чтобы показать скрип, и сказал секретарю:

— Новиков делал. И за скрип ничего не взял.

— Из уважения к вам, Иван Петрович! Иван Петрович нахлобучил козырькастый картуз на лоб и усеял за стол, тарана выпуклые глаза на секретари:

— Подождай! докладывать.

— Да что же докладывать, Иван Петрович? Все уже. Теперь только за нами дело. Снабдет проинвентаризовать энергично и собственноручно инвентаризовать.

— Я и проинвентаризую!

Секретарь опустил голову. Председатель приподнял козырек. В избе все безмолвно слушали. Эта почтительная тишина вдохновляла Дурюпина.

— Ну, что у нас теперь полагаешь? — спросил он.

— То есть как что? — не ловил секретаря.

— Какал, спрашиваю, кампания на очереди?

Секретарь pokrивил губы, обдумывая. Потом он шипнул рыжевую борденку

и сморщил висушчатое личико, ставшее вдруг похожим на печеное яблоко.

— Никакой нет, Иван Петрович!

— Должна быть. Не может того быть, чтобы кампания не была!

— Никакой, — подтвердил секретарь, — у меня в руках циркуляры и всякая переписка. Пока никакой кампании проводить не полагается, тем более что время рабочее.

Иван Петрович оглядел секретаря с презрением.

— Ты не секретарь, а божья тварь. У нас в деревне смута идет, религиозная война, иконы и ворота понавешали. А мы будем сложить руки сидеть! Кампания надо проводить! Что у нас на носу?

— Да ведь много! Иван Петрович, семья и я ссуда, поднятие сельского хозяйства, тоже ликвидация неграмотности, борьба с самогоном — как всегда...

— Действительно, что всегда! — изустившись, буркнул Дронин, — похоже, что всегда!

Секретарь насторожился. Иван Петрович, опершись бородой кулаком, с тупым укором посмотрел на него:

— Как всегда! Орды тоже, как всегда, на кресты садятся? Иконы тоже всегда на воротах у нас висели? Бабушка наш отец Николай тоже всегда зуб на власть точил, племянника наусьбывает на донос и солидаритство? Ну, Василий Матвеев, хорош-же ты!

Секретарь затрепетал от грозного тона начальства. Он пробовал было хихикнуть, но, не поощренный, только покрутил бородку и ответил, растерявшись:

— Мало ли, Иван Петрович, что грозит! Мало ли про себя о чем люди шепчутся! Они и святых охотят, коли не по ним делать буду!

— А выше по ним делается? — вставил Егорка, — и дуга, и лес все в их пользу?

Иван Петрович, недоумевая, огладелуся на него:

— Видя? — крикнул он Василию Матвееву, — видя?! Щенки уж лаять начал! — Мы его уймем! — взглянув мельком на Егорку, ответил тот, — только хозяев надо одернуть сначала.

Должно быть, вспомнив при этих словах о цели их прихода, Дронин грохнул кулаком по столу, оборачиваясь к Асютке:

— Где отец, спрашиваю?

Асютка закрыла фарфуром лицо и заревела в таком страхе и ужасе, что добиться от нее разборчивого слова было невозможно. Иван Петрович махнул рукою и тупо посмотрел на секретаря:

— Ну так что ж?

— Так что же? Как прикажете. Иван Петрович, так и будем действовать!

— Ну, и секретари! Ты не боюсь, а дура я тварь! Эх, старая, — обернулся он к Ульяне Петровне, — что у нас на носу?

... — Какая, спрашиваю, кампания на очереди?

— Престольный праздник, батюшки!
— Видишь! Старуха знает, а ты — нет!
— Престольный праздник, я знаю, Иван Петрович, я знаю! А только какая же тут кампания может быть? Разве борьба с самогоном?

— Дурак ты, Василий Матвеев! Антирелигиозная кампания на очереди. За пол ваяться надо!

Председатель сдвинул картуз на затылок и, подмигнув, посмотрел на секретаря победоносно. Тот сморщил личико в комочек, шпигнул бородку и засмеялся:

— Умница вы, Иван Петрович! В самую точку попали. Только времени для подготовки мало осталось.

— Я сам все подготовлю. У меня план давно в голове.

— Комиссию собрать?

— Обойдемся один!

— А так и лучше — зачем же другим вмешиваться? Свою-то инициативу да с другими делить!

— Ну и верно.

Асютка зажгла лампочку и боязливо поставила ее на стол. Иван Петрович потянулся как после многолюдного дия:

— Ну, ладно! Пойдём, секретари! А ты — он обернулся к милиционеру и нахмурил лоб. — Софროнова арестовать и доставить! Из избы никого не выпускай пока, чтобы не опередили. Чт?

Он оглянулся на заревывшую снова девушку, и она умолкла в страхе и ужасе. Иван Петрович повернулся на каблуках и вышел.

Секретарь побегал за ним. Милиционер остался у двери.

— Так, — сказал Егорка, — значит, завтра коровы по домам буду! Меня, ведь, тоже не выпустят?

Милиционер усмехнулся, махнул рукою, оставил вытовку и сел на скамейку.

— Что ж я до утра тут сторожить буду? Нашел дурака!

Егорка подсел к всхлиывающей девушке и стал утешать ее, не переставая смеяться. Милиционеру надоело сидеть и ждать. Он поминал Егорку к себе:

— Чу-на, скажи, парень, где Софрон? Знаешь, ведь?

— Знаю.

— Ты правду любишь — по отнему жить хочешь. Ну, так скажи по совести — где он?

— Сбежал.

Милиционер свистнул изумленно.

— Куда?

Этого я тебе не скажу.

— Так. Кто ж его упрел?

— Я.

— А ты почему знаешь?

— А потому, что слышал, как Доронин Ненила на картах гадала. Ни в чем Софрон не виноват, а Доронин картам поверил — решил, что Софрон!

Милиционер вытаращил глаза.

— А ты не врешь, парен? Иван Петрович гадал?

— Никогда не врал и врать не буду!

— Ну, прощайте, ребят! Скажите Софрону, чтобы на улицу не показывался пока. А ты и мне в ответе быть. А разговор будет, — скажите, что я до утра караулил. Тыфу! Когда этого дурака по себе погонят?

Егорка провидил милиционера за ворота, плотно припер их колом и вернулся в избу. Асютка смеялась сквозь слезы. Ульяна Петровна, насушившись, качала

головой. Егорка сказал: «ну, видишь, все ладно!» и стал стелить постель себе на полу.

Но уснуть им не пришлось. После полуночи в дверь избы захлопотали что то здоровые кулаки.

Аксютка заметила. Егорка накинуд подушубок и вышел спросить через запевную дверь, что случилось. За дверью раздался знакомый голос. Егорка скинул крючок, — в избу вошел Софрон. Он был бледен и страшен. На бедом, как бумага, лице его круглые глаза сияли черными безднами. Губы дрожали. Окладистая борода торчала черными клочьями. Горькой картуз на нем был надет козырьком назад.

Егорка отступил в изумлении.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРИВИДЕНИЕ

— Пить! — прохрипел Софрон, опускаясь на лавку, — пить...

Аксютка принесла ковш квасу. Софрон залпом, не отрываясь, выпил его и тогда только обвел глазами, почти невидящими, избу. Казалось, он только теперь начинал приходить в себя и понимать, где он.

— Титенька, титенька! Председатель с милиционером был. Тебя арестовать велено! — торжливо рассказывала Аксютка, удивляясь каменному лицу отца, не движущему ни одной чертой своей от ее слов. — Да что с тобой? — наконец спросила она.

— Что случилось? — повторил Егорка, — зачем ты вернулся, Софрон Иванович?

— Откуда ты? — подошла и Ульяна Петровна, — из ада что ли вырвалась?

Софрон Иванович вдыхал тяжело и гудко, но приходил в себя. Все молча смотрели на него и ждали. Егорка шепнул девушке:

— Ой, не попался ли он председателю! — Да зачем ему вернуться нужно было?

Ребята смотрели друг на друга и на Софрона. Он как будто бы начал понимать, что происходит, о чем его спрашивают. Он потянулся к ковшу, допил последние капельки, трахнул голову, опутал бороду, всего себя, потом потрогал Аксютку, точно для того, чтобы убедиться, что он дома, наяву — не во сне.

— Ты — Аксютка?

— Я.

— А это Егор?

— Егор!

— А ты? — Мать Ульяна Петровна, что ли?

— Да что ты не видишь, Софрон Иванович, — воплеусуд руками Егорка, — ослеп ты или с ума сошел?

Крестьянин потряс головой, точно желая приобрести свежесть ума и зрения, но взглянул на всех все теми же еще не прояснившимися глазами. Лицо его было попрежнему бледно, и только начали ровнеть губы раскрытого от страха рта.

— А я — живой?

— Да не мертвый же!

Ульяна Петровна молча смотрела, потох вихрем вышвырнулась вон и через

минуту принесла ковш с водою и черный уголек из печи. Набрал в рот воды, она спрыснула с уголька Софрона и отшла в угол, ожидая, что будет дальше.

— За Непилой не обегать ли, Софрон? — предождала она — спортил темер кто нибудь.

Должно быть он с трудом понял, о чем его спрашивали, но, понизив, вдруг

Он был бледен и страшен

убедился в том, что жив, цел и невредим, что и вокруг него все, до Непилы включительно, осталось в прежнем виде и на своем месте.

Он широко перекрестился и вздохнул. На дворе, где то очень близко, должно быть, нечаянный под крыльцом молодой петух проорал свой горжественный предрасветный крик. Аксютка вздрогнула от этого неожиданного нарушения тишины, но Софрон вдруг оправдился.

— Ну, стало быть пропал. Петухи поют! — сказал он, — теперь ничего уж не сделаю, а?

— Что случилось, Софрон Иванович? — ласково, но настойчиво спросила Егорка. — Где ты был?

Софрон Иванович встал. Проспавшись было глаза его стали слеза от страха круглыми, он положил руку на Аксюткино плечо, другой пригнул к себе Егорку и тогда прошептал, насилию расклеывая рот и губы, залепешился от беготни и ужаса:

— Покойника видел!

— Где?

— Какое? — разом вырвалось у ребят.

— На пожарнице! — ответил Софрон и, снова слабая, опустился на скамью, — ох, расскажу, ребята. Лучше бы мне в холодную пойти с милиционером, чем туда! Там покойники ходят, ребята!

— Какие покойники?

— Да те, те, которых там расстреляли! Отца твоего видел, Егорка!

— Жив он? — взвизгнул Егорка, не понимая, что говорит, — жив?

— Шамшадский, — отодвинулся от него Софрон и показал головой, — ну, гляди, сейчас с ним припадок будет. Подаром Зухитич от него видение скрыл. Ну откуда твоему отцу живому быть, сам ты подумай!

— Ты же говоришь, что видел! — ответил Егорка.

— Покойника видел, тень его. Призрак! При-ви-до-ни-е! Душеньку его неогорбеленну!

Егорка вздохнул.

— Ведь этого не бывает, Софрон Иванович, ведь, все это врут. Сколько раз я ходил на пожарнице и днем, и ночью — что ж, никого не видел! Не могут покойники являться — это уж я знаю.

Софрон Иванович всплеснул руками:

— Говорите с ним. Да с чего же как сумасшедший я сюда прибежал? Себя не помню. Сам ведь я видел, сам вот этими глазами!

Он ткнул себе пальцами в глаза и развел руками:

— Как же тут не верить?

— Обмеша ты!

— Тыфу! — отпихнулся тот, — говоришь с ним! Ну, как тут опшбиться можно, когда вот он... Я прибегаю на пожарнице уж совсем затем. Тут все, как было, как спалили мы в революцию барскую эту усадьбу. Стобы от ограды каменные торчат, стены там, печки эти с трубами и двор тут, и стена эта самая, окодо которой их расстреляли.

— Знак! — кинул слюной и Егорка.

— Ничего ты не знаешь. Привиде-них туда, поставили к стенке, говорят: «вот вам ваша усадьба, владейте ею на веки вечные» и стали им палить. А отец твой в те времена, как жили усадьбу, и в деревне не был, — он на фронте был. Не при чем человек оказался, ну да тогда не разбирали!

Софрон Иванович передохнул. Аксютка затала дыхание.

Егорка почувствовал холодную дрожь на спине. Горькая кровь в шраме заблещала живчиками, холодными пальцами прижал он их и подергивавшиеся веки.

— И только я эту стену прошел, хотел в погреб зарыть, как оттуда навстречу мне — он...

— Кто?

— Покойник!

Аксютка вздохнула, Ульяна Петровна перекрестилась. Егорка покачал головой.

— Тамно уже совсем было, говорюши? — Да я в осеннюю ночь узнал бы ег! Валилуд он на меня, ушибнулся и руки так протянул...

Софрон Иванович выткнул руки. Аксютка взвизгнула и отшатнулась прочь.

— Тут и я так же, как Аксютка, шарканулся, да споткнулся о камни и растопталу. Слышу он надо мной стоит... А у меня волосе дабом. Наклонился он ко мне, руку положил на плечо — рука каменная, холодная, как лед, и говорит: «се беся, ничего, Софрон! Я знаю, кто предатель. Теперь скоро вся правда на

ружку выйдет. Ступай отсюда, не мешай мне! Приподнял он меня своей каменной рукой, подтолкнул к воротам. Я и побежал, как угорелый, не оглядываясь... И как до дому дошел—не помню. Повернись, небось, теперь?

Егорка развел руками:

— Да чему же тут веришь...

— Что ж я без глаз?

— Может быть, ум за разум зашел от бедности да страху?

— А Чугунол?

— Что Чугунол?

— А Чугунов Захар Никитич тоже без глаз был? Он-то, ведь, тоже в городе его видел! Днем, при всем честном народе ему явился!

Егорка решительно приказал холодными пальцами запригвождать веки мигающих глаз.

— Вот она к чему птица на кресте сидела,—вдохнула Ульяна Петровна,—отнюдь к нему!

Сафрон Иванович отмахнулся:

— Ну, придумала тоже! Про птицу известие пришло — из клетки вылетела, с парохода. Зверинец с парохода выгружали, а клетка в ступоке открылась,—орел тот и вылетел.

— Что ж ему столбов было мало, что он на крест сел? Да и зачем бы ему садиться? До воли дорвался, улетел бы свободнее!

— Молодой был! — сподобно заметил Софрон Иванович, — хотелось лететь дальше: сил в крылах не было, поэтому и сидел.

Старуха заткнула пальцами уши и закачала головой, не веря. Егорка подошел к мужику:

— Кого же ты там видел, а?

— Покойника!

Софрон Иванович прикрыл его руку своею большою и холодной:

— Не бойся. По дальше только от пожара держись. Сначала страшно, а как привыкнешь—ничего... Аксюточка, дай-ка кваску еше.

— Он выпил полковника и тогда как будто повеселел даже.

Егорка встал, молча отсыкая свою шапку, взял котомку и бег.

— Надо сходить туда!—сказал, он—надо узнать, что там такое.

— Шмамендиш! — вследую руками Соф-

рон Иванович,—да ты там со страху умрешь!

— Ты же не умеешь?—Егорка засмеялся,—уж коли тебе ничего не сделал, так мне и вовсе ничего не будет от родного отца. Только я думаю, не конокрады ли прачтуют? Облаву бы сделать, да боюсь; если все это тебе померещилось,—засмеют ведь! Надо самому дознаться!

Егорка решительно шагнул к двери. Тогда молчаливая Аксютка вдруг кинулась к нему, впилась в его руку потными, повисла на ней и завизжала:

— Ой не луну, ой не луну!

Егорка уговаривал ее, смеялся, сердился,—ничего не помогало. Аксютка не выпускала руки. Он нахмурился, оказал сухо: «ну, ладно. Не к спеху! — и снял шапку.

— Не пойдешь?

— Видишь, что не иду. Пустя, Аксюточка!

— Девушка выпустила его руку боязливо. Егорка потер следы от потной, покачал головой. Аксютка зорко следила за ним, готовая снова вмешаться, если он сделает хоть шаг к двери.

— Да поздно уж. Светает! — сказал Софрон Иванович,—теперь ходить нечего. Спину уж. Ему и воли дадено только до первых петухов. Ложитесь-ка, может, и уснем еше!

Никто не смог уснуть. Софрон вздыхал и мучился призраком. Аксютка боялась заснуть, чтобы не упустить Егорку. Ульяна Петровна молилась о непогребен-

ной душешке. Егорка же лежал и думал сквозь сон о несбыточном: может быть, в самом деле жив и отец? Ведь, бывають же случаи, что оказываются живыми и те, кого считали давно уже мертвыми.

Семик пропал пять лет в германском плену и вернулся, не потеряв даже своих и чужих медалей, болтавшихся у него на груди.

Сердце у Егорки замерло. Но от радостного волнения и сон сбегал с вздрогнувших век. Тогда было ясно другое: ловко спровадили с пожара конокрады забегавшего туда мужика.

Егорка открыл глаза с тоскою. Не было отца, не с кем было и поговорить. А ведь должен же был кто-нибудь знать правду.

Ворочаясь с боку на бок, он перебрал в уме всех мужиков от Захара Никитича до Софрона Ивановича и еше раз вздохнул: никому нельзя было поверить, было темно, темно и скучно в мужичиных умах, как в их избах.

«Облаву бы!—думал пастух,—ведь и из стада таскать будут... Председателю сказать?»

И опять ничего не вышло. Молно было бы спеть мужикам песню, да разве песней одной разгонишь чернойорский мрак?

С коня деревни донесся пастуший бич. Егорка вскочил, оделся, плеснул в лицо холодной водой и вышел за ворота хлопнуть своим бичом по розовой от пред-рассветного зарева чернойорской улице. Первой выгнала к подласку корову школьная сторожиха, и тогда у Егорки блеснула мысль:

— Учитель не уехал еще? — спросил он ее.

— Нет?

— Вечером дома будет?

— Вестимо, что дома.

— Ну, так я приду ночеча к вам. Дело есть!

— Егорка любовно и весело принял учительскую корову от сторожихи, погнал ее с некоторой долей уважения, как будто и она была причастной к той массе знаний, которые должны были быть у учителя.

Не повидавшись с ним, решил Егорка ничего никому не говорить. Вечером же, отогнав стадо, пошел он в школу.

(Продолжение следует)

ПУГАЧЁНОК

Андрейка лежал на лавке под тяжелым тупином и дрожал, не мог согреться. Так замерз Андрейка, бродя по степи, что казалось, никогда не согреется. Мысли пугались, смертельно хотелось спать, а заснуть не мог.

В избу то и дело входили, хлопая дверью и снова выходяли, топили ногами, согреваясь, громко разговаривали.

Андрейка хотел вспомнить все, что случилось с ним в пути, и не мог никак понять, что случилось с ним вназупаду и что пришло в тяжелом, дунованном сне.

Ночью распахнул Андрейка глаза и старался хорошенько рассмотреть, что происходило в избе.

Старик-хозяин, к которому направили Андрейку из ставки верные люди и который давеча на робкие вопросы Андрейки сказал твердо и коротко: «не дожди, теперь, забыв про все свои хворости, катышком катайся по избе, прислуживал господям».

За столом под образами, на скамьях расселось пять человек господ офицеров в азелных камзолах.

Офицеры ели, пили, согревались, горворили все громче и веселее.

— Теперь уже скоро и походу кончат! — Захватим вора пошурим на радость! Награды обещаны богатые.

— Только бы поймать его разбойника! Увертли больно, между пальцами уходит.

— Наглости большой набрался. Беглый арестант, императором Петром Федоровичем назвался.

— Как только удастся ему замутить столько народа, поднять против законной государственности?

— Народ бунтовать рад. Смерды, рабы против господ встали. Воли, вить, захотели, покажем мы им волю, плетью вышибем! Думно думать о воле не захотят.

Хмельный офицер, слова ставивший грозными и страшными, хвастался будто бы поймать своего Емелья-

яна Пугачева, размахивали руками, будто рубили уже голову непокорным бунтовщикам, будто хлестали плетями по холодным спинам.

Андрейка дрожал все сильнее, теперь уже не столько от холода, сколько от страха и злой злобы.

Вспомнил отца, запоротога на конюшне, вспомнил сестру, залептывающую в родные, ждущую участи злой и позорной, вспомнил барина своего Евграфу Семеновича, улыбающегося ехидно и злое.

И неужели не найдет нигде правды? Неужели же верно говорят эти захмелевшие офицеры, нет царя — государя мужицкого Петра третьего, несущего рабам и мещам, неужели же правда — беглый арестант Ян Емельяк, которого поймать и расказнять?

Окуда же тогда идти освобождения на кого надеяться?

Нет, дед Парфен, поставивший его разыскивать справедливого царя, не врал, не мог ошибаться, нет, нет и нет! Найдет он царя, найдет он и правду!

Пугались мысли, звенело в ушах, спались глаза, будто он гом, как в степи давеча, заматало. Андрейка засыпал.

Навалилось что-то тяжелое на ноги Андрейке, будто камнями приплюснули ноги, дернулись Андрейка, хотел ноги высвободить, охнул жалобно, но все же как следует не проснулся.

— А, вот тебя заешь — слышал голос сквозь сон, — ворочается тут кто-то жив человек! Чуть не задал его.

Отогнул кто-то тулуп, нагнулся к лицу, рассматривал Андрейку. Жесткая борода шекотала шею, пахнуло запахом знакомым, мужицким, отцовским.

Едва-едва глаза Андрейка проткрыл, ушибнулся, проморгал засквозь «тягачка» и опять спом тьяемным забылся.

— Умаялся паренек! — опять тот же голос промывил и кто-то заботливо тулупом прикрыл.

Видел Андрейка во сне, будто едут они на лодке с отцом.

В уютной волне о борт лодки, но крепко вмачивая от ц всадами, улыбаются, и пострашно Андрейке, а весело и радостно кричит что-то отец, но ветер отнимает голос, нельзя слов разобрать, но и б

слов попятно Андрейке — кричит отец, чтобы не робел, не трусил, а Андрейка и не трусит, ведь — с отцом, опять отгом.

Столько долгих тяжелых дней прожил Андрейка один, сиротой, а сейчас опять с отцом.

Хочет спросить Андрейка: «Где ты был, татка? Пошто меня одного бросил?»

Наказает вдруг темная мысль, ведь нет отца в живых, вынесли из конюшни из под плетей окроваленного и неподвижного, как забыть может эту страшную минуточку Андрейка?

Но улыбаются лодка, улыбаются бордотое отцовское лицо, и во сне улыбаются Андрейке родители.

— Ишь, разохотался! — толкает кто-то Андрейку весьма учтиво, подхватывает под мышки, приподнимает.

— Вставай, пади, царь-батюшку прошинь!

Обижает мнать о glare, отгойает себя, трет кулаками Андрейка глаза, хочет опять вспомнить хоршенького, где сон, где явь, Динные облака ходят по избе, много народа толпится, только слыны и видно.

Старик-хозяин подталкивает Андрейку в бок кулаком, порчит:

— Разохлались! Не добушились! Царь-батюшка тебя спрашивает, говорить хочешь, чуть не проспал его.

Все сразу вспомнил Андрейка, потянулся, как, что косточки хрустнули.

Хозяин, держа Андрейку за плечо, будто бы убеждать собирался, вперед стал его притягивать между собой.

Слыло человек пятьдесят мужиков и казаков, молодых и старых, женщины и ребятишки стояли плотно и молча.

Ставили все глаза в красный угол, а за столом под образами, освещенные чаем жирновиком, сидело трое и тоже молча, торопливо ели, пальцами брали и большого дымящего горшка, громко хустились костюми.

Были все трое бордатые, черные, худощавые, из под шапок меховых лаза у всех троих по волчьим угодьями поблескивали.

Напопил, средний вытер пальцы о борду, быстрым скольким взглядом огляделся, рукой о стол уперся и заговорил голосом слегка хриплым, протуженным:

— Жалуюм мы вас, люди добрые, народ русский, бедноту поддарили, холодов, под платями барскими стонущих, казаков, волю потерявших—всех жалуюм, кашков ц роской милостью, перво-на-перво волей свободной, от бар освобождаем, от лютых начальников, собак приказных, освобождаем, землей жалуюм...

Зашевелилась толпа, будто разбуженная после долгого сна, задвигалась, тяжелым гудом загудели, всхлипывали бабы. А он все самым быстрым взглядом всех окидывая, бороду расправлял давал время народу поглядеть, пошевелиться.

Широк раскрытыми глазами уставился Андрейка на него, быстро мысли неслись.

«Неужто этот бородастый оспинный мужик царь будет? Верно ли про него говорили офицеры в этой самой избе, что беглый арестант оц, вор, обманщик! А не все ли равно царь или не царь, если свободу обещает, волю, месть!»

Крыкнул силно, хлебнув большим жадным глотком из ковши и опять заговорил, глазами слегка раскосыми из под лохматых бровей поблескивал.

— Но вот что, детушки! На царя надейся, а сам не плошай! Народом всем должны дружно навальтис на супостатов, крепко и дружно за волю, за меня, царя вашего, за себя самих крепко и дружно постоять должны!

Говорил нараспев, будто причитал, наговор порожал и все стоял, рот открыл, глаз не открывал, как заворованные.

Грохотом изба наполнилась, на разные голоса загалдели.

— Постоям, стоим!

— Не жить, все равно!

— Довольно терпели, лямку тянули!

Дал поглядеть, потом встал, рукой махнул нетерпеливо, лицо властным и твердым стало,—умед, видно, приказывать.

— Ступайте, по полкам вас атаманы разобьют. А мне нужно с генералами моими совет держать.

Толпа шархнула к дверям, толкая и сбивая друг друга, торопились царский приказ исполнить. Хозяин, подойдя к столу, сказал:

— Вот паренек, что слух принес из-за Волги,—и толкнул Андрейку к самой лавке, на которой сидели царь и его генералы.

— А, тот самый, которого дане не придавил едва,—промовил Пугачев, слегка улыбаясь, а думы его где-то далеко были.

Андрейка тоже узнал того, кто наклонился над ним, подусонным, которого со сна за отца принял. Опять родным, мужичиным, отцовским духом пахнуло, потом, табаком, лошады и горькой синухой.

«Царь или не царь?»—опять в голове мысль упорная засвердила. «Царь или не царь? Обманет или вправду волей пождает?»

— Ну, сказывай!—промовил наконец Пугачев, рассеяно оглядывая Андрейку и все еще думая о чем то другом.

Андрейка молчал, только глаз отвести не мог.

— Сказывай же!—нетерпеливо, почти гневно прокричал Пугачев.—Сказывай, какие слухи идут, что велели донести мне! Все сказывай, а утаишь или соврешь, плохо будет!

— Обомлел паренек перед твоей царской милостью,—угодливо сузилась хохлиа, а сам подталкивал Андрейку и шипел в ухо:

— Развязки язык, бревно деревенское!
— Обомлел,—улыбнулся Пугачев, блеснув белыми, крепкими жадными зубами.

— Обо мне-то у вас слух доходил-ли?
— Доходил, слышали,—тихо, с трудом выговорил Андрейка.

— Слышали, чего-ж слышали, да не бойся, не с'ем, я кусачий только до бар, да до господ офицеров.

Крепкой рукой притянул Андрейку за плечо совсем близко к себе, жарким хмельным дыханием обдал, всевыми блестящими глазами будто насквозь прощерил.

— Полно дурака валить, сказывай все по порядку! Дурака меня?

— Идут теби, воли жгут, пинались, лютует барин наш, до последнего допши... Отца моего до смерти запорол, сестру в подвал...

Андрейка говорил будто во сне, будто чужие слова повторял, а тут поперхнулся, вспомнил, что про себя, про свое горе говорит.

— Ладно уж, посчитаемся, за все мне ответ дадут, ладно. Ступай назад, скажи, видел живого, настоящего, скажи, скоро уж дойдю и до вас, скажи, пусть ждут, да пусть и сами готовятся, ружьями, где можно, раздобываются, косы точат, шкуры куют, а тут я и надвинусь. И за шны постою, да и сами пусть не зевают. Воля не гапка, сама в рот не влетит, хватать ее нужно, да держать крепко. Поидай?

Андрейка только головой мотнул, горел весь как в огне, крепко держал его Пугачев, плечо даже заныло, совсем близко к лицу нагибало, колода жесткая борода шеи и щеки, улыбаясь глаза и губы, опять на отца походил.

— Ладно, в путь отправляйся не мешкая!

Пугачев оттолкнул Андрейку и, отвернувшись, заговорил тихо со своими генералами.

Скоро все поднялись.

— Ну, нам и дальше в путь пора,—сказал Пугачев и потянулся, разминаясь.

— Да парню подводу дать, пусть из степи вывезут. А го—не замерз бы, как царский посол.

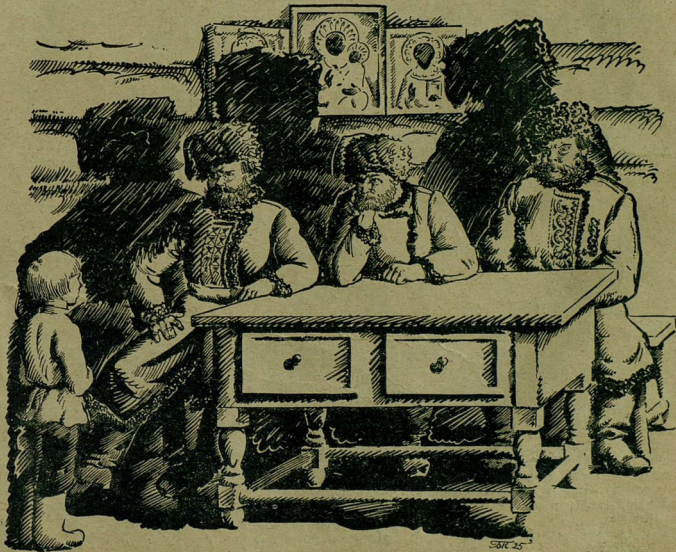
Хозяин засуетился подавать шубы Пугачеву и его генералам.

Они вышли, прогалдели по улице лоса—это прощался народ с царем.

Хозяин накорнил Андрейку остатками царской еды и стал спарывать в путь.

Едва белел мутный рассвет, когда, раскатываясь по сугробам, закутаный в тяжелый тулуп, ехал Андрейка по темной улице.

У околицы лошадь пугливо шарханулась и понеслась вкач.

...—ехал Андрейка по темной улице.

На отводах висело пять раскоряченных страшных кукол, слегка шевелящихся от ветра.

Это были пять офицеров, хвалившихся, что они поймут вора и разбойника Емельку Пугачева.

По вечерам в избу к Парфену набивалось человек двадцать, а то и более.

Стали плачно—дыхнуть нечем.

Андрейка сидел на лавке и рассказывал. Каждый вечер рассказывал и каждый вечер будто новое вспоминал.

А бородатые, кудлатые мужики стояли перед ним, глаз не сводили, слушали, открыв рот, только иной раз кричали.

Может, и не все выходило в Андрейкином рассказе по правде, с каждым вечером длиннее и интереснее рассказ становился, все меньше походило в этом рассказе царь-государь Петр, грозный и помешанка и офицерам, милостивый и щедрый к народу крестьянскому, все меньше походило он на бородатого, пахучего горькой синухой Емельку Пугачева.

Но рассказывал Андрейка и сам верил тому, что рассказывал, золотом горели царские одежды, генералы выходили по рассказу в лентах и орденах, войска Пугачевские превращались в несметные тысячи, не пять офицеров на привороте будто бы повесил, а на десятки верст выставил воеводы, и бегали на них тысячи помещиков, генералов, приказных, а иногда выходило, что чуть ли не самую царницу, непокорную свою жену Екатерину, уже расказнил на Красной площади в Москве.

Иной раз оборвет сурово дед Парфен: — Ты, паря, врй, да не завирайся, в тот раз не так сказывал. Вот я тебя за винок, чтоб не брехал лишнего!

Р? Но вступались слушатели за Андрейку, уж очень хотелось им поверить во все, что Андрейка рассказывал, каждое слово боялись пропустить.

— Не сбивай его, дед, — кричали на Парфена, — пусть все высказает до конца!

Передавал Андрейка и приказ Пугачева издать его, — готовиться самим встать за свою волю.

Хмурились мужичье лица, загорались глаза, сами собой сжимались корявые кулаки, и тут уже дед Парфен хвалил Андрейку:

— Вот слова праведные. Даже ежели сам их Андрейка придумал, и то правда в них большая. Не на царя упирать должны, а сами на себя, на свою мужичью силу. Царь это знак толки, а сами за себя постоять должны, сами свою волю добить и крепко за нее стоять. Без этого никакой царь не поможет!

Потом Андрейку спать на печку гнали, а сами между собой с дедом Парфеном долго еще тихими голосами переговаривались.

Дед наказывал Андрейке не соваться на барский двор, не подлащать зря на глаза приказчику Дмитрию, или, перовен час, самому барину Внграфу Семеновичу.

— Чего на роком даром лезть? Оглетел барин, будто подк зимний, и вод, свора его лютует. Подале от них лучше.

Но Андрейка не мог удержаться, дьявольской бродит около усадьбы, а то и к самому дому прокрадется, хочет все высмотреть, выведать.

А самое главное, как мог он спокойно у деду на печке сидеть, когда томится в подвале вместе с другими провинившимися сестра его, Люба, ждет каждый день своей злой участи?

Каждый день прокрадывался Андрейка к подвалу, в темные отдушины заглядывал, голосом срывающимся клкал:

— Люба, а Люба, отзовись, жива ли!

Далекий, едва слышимый из-под земли, голос доносясь:

— Ох, Андрюшка, тошно мне, в самый час хоть руки на себя наложить, все равно не видны мне более ясно солнышка, не быть свободной и радостной, заклетю нас злой коршун!

У Андрейки слезы катились, носом хлюпал, но старался утешить веселым голосом:

— Подно, не отчаивайся, скоро уж, скоро, всем воля будет. Недолго уже, потерпи.

Еще ближе к отдушине нагибалась, шептал вести радостные о близком освобождении, о царь мужичком. — Петре, уже идущи на выручку, о многом еще шептал Андрейка, а там внизу, пригасая, слушала жадно не одна Люба, а много еще потерявших надежду на освобождение; много сердец от этих слов билось горячее.

Иной раз приносил Андрейка лепешек или хоть простого хлеба и на веревочке спускал в отдушину. Но насчет хлеба и на деревне в тот год неважно было, подкрадывался голод; хоть и полны были барские амбары, да деревне от этого не легче.

(Окончание следует)

...—А игры как?

Голос:

— Миша, что случилось-то? Что с тобой?

Вожатый:

— Что за звуки? Что за разговоры... Не шалить!
(Вожатый орлиным взглядом окидывает шеренгу притихнувших ребят).

Вожатый:

— Товарищи! Ребята! Наш отряд отмечен особым вниманием нашей районной организации... Нет, не так. Товарищи, разрешите вас информировать о большом, ответственном поручении, возложенном на наш революционный отряд. Сегодня, ребята, меня известили о том, что на днях состоится съезд дантистов. И (ребята, внимание) я из уст районного бюро пионеров услышала такие слова: «Миша, говорят мне, так как твой отряд стоит на вершине дисциплины, ребята у тебя отмуштрованы почище царских солдат и что насчет там пройтись или «всегда готов» привкучить,—с твоим отрядом никто сравниться не может, опять же у тебя ребята тренироваться могут крепко, то мы, говорят, принимая во внимание все вышеизложенное, поручаем твоему отряду приветствовать от лица многомиллионной пионерии собирающийся в нашем Городе Взеросийский съезд дантистов и передать ему знания. Ребята, я чуть слышней не подвинулся, когда мне это сказали. Ребята! Выполнять задание и поручение райбюро—будьте готовы!

Ребята:

— Всегда готовы!

Голос:

— Миша, а чего же мы теперь будем делать-то?

Вожатый:

— Как чего?.. Что за вопрос? Готовиться, готовиться, готовиться и еще миллион триста тысяч раз готовиться. Ясно?

Голос:

— Теперь, как на ладошке.

Вожатый:

— Ну, ребята, садись. (Ребята бросаются садиться) Впрочем нет—садитесь! (Ребята вновь в шеренгу) Не надо садиться. С самого начала, ребята, надо ввести железную дисциплину.

Голос:

— Чего там, Миша, железную,—надо железно-бетонную.

Вожатый:

— Правильно. Железо-бетонная будет покрепче. Смирнра! Ребята, перед началом подготовки я хочу выступить перед вами с речью о великой ответственности текущего момента или, вернее, моментов, которые теперь будут тебь.

Голос:

— Валей, Миша, выступай...

Вожатый:

(Становясь в позу «вояк») —Товарищи! Разрешите вам кратко и художественно обрисовать ту ответственную задачу, разрешить которую, не прибегая к помощи

...—А стенгаз?

арифметических наук, предстоит нам. На нас сейчас обращено личи или, вернее, лица всей многомиллионной пионерии. Мы должны, товарищи, расшпигаться в лешенку. Мы должны, не шая живота, выполнить это героически—революционно-боевое поручение, и тогда героические имена наши и самоотверженный номер наш-го отряда будет занесен в историю классовой борьбы, в историю международного детского движения, в историю международной пионерии и в золотые страницы истории международного развития дантистизма. Итак, товарищи, не теряя ни секунды дорогого времени—готовиться, готовиться, готовиться и еще миллион триста тысяч раз готовиться. Бурные аплодисменты—разойдись!
(Пионеры «протрубивают» губами две строки «Молодой Гвардии» и садятся).

Вожатый:

— Теперь, ребята, наметим план подготовки. Надо каждую секунду употребить на это грандиозно-ответственное дело.

1 пионер:

— Миша, а как же полнзаниятия?

Вожатый:

— Долой, долой, дло! Сознание ответственности момента и так далее, вообще—долой!

2 пионер:

— Миша, а игры не будем проводить?

Вожатый:

— Что?! Игры?! В такой боевой момент, а ты в игрушки играть хочешь??? Долой игры!

3 пионер:

— Миша, а беседы как?

Вожатый:

— Некогда беседовать—долой!

4 пионер:

— А стенгаз?

Вожатый:

— Долой!

5 пионер:

— А работа в детдоме?

Вожатый:

— Долой!

6 пионер:

— А в школу-то ходить можно?

Вожатый:

— В школу? Не следовало бы, ну да уж шут с ней—походите как-нибудь. Теперь, ребята, мы должны распределить по званным боевые задания. Во первых, вы все должны научиться кричать «всегда готов» так, чтобы лопались барабанные перепонки. Каждый в отдельности должен настроиться это делать так—что ему хоть сопному кричи «будь готов», он должен сделать салют и громко, про-полетарски, ответить «всегда готов». Затем, с завтрашнего дня займемся строем и ходьбой. Будем делать хоть по двадцать верет в день, а ходить научимся на большой палке. Барабаник должен 8 часов в день барабаничить в барабан, чтобы «Старого барабанища» мог выстукивать с закрытыми глазами. Горнисту не жалеть дятых, трубить до изнеможения духа. Поняли?

...—Долой! Долой!

Пионеры:

— Есть.

Вожатый:

— Теперь, ребята, надо выделить одного парнишку на самое ответственное дело. Надо кому-нибудь поручить сказать приветственное слово на открытии съезда. Кому это поручить?

...— От лица
много...

ВС

Голоса (вместе):

- Алексаша, Алексаша.
- Алексаша, он треплется, что надо.
- Как граммофон.
- Его только подзавести получше.

Вожатый:

— Есть предложение поручить это боевое задание Алексаше. Кто за, а кто против — поднимите руки. Единственно. Алексаша, ты выделен для выполнения боевой задачи. Справился ты с этим? Помни, что во всей нашей работе самое главное — твоя речь.

Алексаша:

— Чего-ж не справишься — я загну.

Вожатый:

— В самый последний момент не струсишь?

Алексаша:

— Что мне первый раз, что ли? Я перед войсками выступал и то — ничего, только один раз челюсти сведло...

Вожатый:

— Ну, так, Алексаша, не подведи. Помни, что от твоего выступления зависит всемирная слава нашего отряда.

Алексаша:

— Не беспокойся, Миша, у меня в этом отношении опыт богатый. Меня везде с речью вышучивают, потому как голос у меня пронзительный и язык болтается хорошо. Не только дантистов, а хочешь ВЦИК буду приветствовать или даже Цеку или хоть весь мировой пролетариат. Мне речь сказать — два плюнуть. Так заговозку, что у дантистов дух сохнет.

Вожатый:

— Ну, ладно. Не подведи, Алексаша. А теперь, айдя на улицу, Часочка 3—4 походим, помаршируем и по домам.

Пионер:

— Миша, а ведь сейчас уже 11 часов ночи, во сколько же мы домой то придем?

Вожатый:

— Не забывать о дисциплине! Вста! Стройся! Равнение на прра-во! Смйррри! Завтра приходить в четыре часа дня. Весь вечер будем заниматься. Ты, Алексаша, помни о боевой задаче, а сейчас для занятий, на прра-во! Шагом марш!

(Пионеры выходят. Идет заповес. Перед заповесом появляется пионер.)

Пионер:

— Видали, товарищи, самодержавных людей? Видели, как они ввязались за выполнение революционной задачи? За такую подготовку не только в пять историй надо записать, а пятьдесят историй им самим написать в некоторые части тела. Ну, да ладно, не будем их отглекать от их прреволюционной задачи, а поспотрим, что будет дальше. (Кричит). Готово?

Голос:

— Готово.

Пионер:

— Значес. (Уходит).

(Идет заповес. Сцена — комната. Стол с посудой, стулья, сбоку нарисованное на стене большое зеркало. Что то в воде детской кроватки в ней «ребенок»). В комнате Алексаша, его мать и сестренка Лиза. Мать у стола чистит картошку, Лиза качает ребенка, а Алексаша стоит у зеркала и «стотонгся» к рачи, но пока без слов. Он, то прикладывает левую руку к сердцу, а правой вскинет над головой, то правой рукой схватится за сердце, а левую молниеносно вскинет вверх. То выставит правую ногу вперед и всю тяжесть корпуса перенесет на левую. Все жесты делает очень героически и с безмолвным пафосом, замедляя на несколько секунд в каждой позе. Пока Алексаша «упирается», Лиза, убаюкивая «ребеночка», поет:

Лиза:

— Бай, бай, баю, баю.
Не ложись, В няя, на край,
Ложись на серолочку,
В шкляночку пеленочку,
Не ложись на краю,
Баю, баюшки, баю.
Придет серенький волчок,
Тебя схватит за бочок
И утащит во десок,
Под зелененький кусток.

(Прявляя левую) Мам, пиник Алексашка с ума сохд, чегой-то он как дурак перед зеркалом руками машет.

Алексаша:

— Сама-то ты дура, не видишь, а жесты разрабатываю, дубина.

Лиза:

— Чего?

1) Играть «ребеночка» может обыкновенный пионер.

...— Вбесился ты!

Алексаша:

— Жесты. Не понимаешь, так не вякай.

Лиза:

— А для чего тебе эти жесты?

Алексаша:

— Ты, Лизка, ничего не знаешь, может, через эти жесты я в историю партии попаду.

Мать:

— Ну, в какую ты там историю пойдешь, я не знаю, а что в зеркало кулаком под д шь—это видно. Чего это ты размахался? Чего-то ты из себя разрабатываешь? Вякай же колуд, да дров бы наколот, чем по воздуху руками без толку махать.

Алексаша:

— Ты, мама, ничего не понимаешь, потому как в тебе отсталости много. Вот, обожди, я речь отрешитрую, тогда займусь твою сознательность поднимать.

Мать:

— Смотри, как бы я сама сейчас не поднялась; а тебя так отрешитрую, что три дня не сядишь.

Лиза:

— Ну, ладно, будет вам, разоздрились, Ваньке учить не дайте.

(Мать смолкает. Лиза вновь начинает петь песенку. Алексаша с удивленной энергией принимает за жесты кулакино. Тиньша. Пауза. Лиза продолжает к «ребеночку», слушает Тот спит. Ли а на цинковых подложках к матери и показывает, что «ребеночек» уснул.)

Тихишу вдруг внезапно прерывает Алесаша, который, встав в позу, громадным голосом гаркнул приветственную речь).

Алесаша:

— Да-ррр-а-г-ен та-ва-ри-щи. От лица много.

(Мать с испугу роняет на пол тарелку. Лица вадргаивает. «Ребеночек» поднимает гвалт. Алесаша, не обращая ни на что внимания, продолжает изливаться в приветственных словах.)

Мать:

— Сашка! Вздвзился ты? Сашка!

Лица:

— Дурак, замолчи! Перестан!

Алесаша:

...Приветствую вас, дорогие товарищи! Да здравствует...

Ребенок:

(Вопит).

Лица:

— Мама! Маманик! Он с ума сошел! Мама!

Мать:

— Сашка! Убь! Сашка!

Алесаша:

— ...Мы смена всякой смены, мы всех сменим...

Лица:

— Мама, облей его водой, может ему лучше будет.

(Мать хватается ведра и окатывает Алесашу. Алесаша прерывает речь, остолбенев и застав на месте).

Мать:

— Ты что? Вздвзился что ли? Кто ты родимец схватил?

Алесаша:

(Вновь приходит в «приветственное» состояние). Дорогие товарищи! Дорогая моя мать! О, дорогая моя сестра! Приветствую вас, борцов за третий коммунистической съезд дантистов.

Мать:

— А он в сам-деле рехнулся! Сашка! Сашка!!!

вс

...может стать зазвучать!

Алесаша:

— Долой белогвардейские подлости! Мы, как авангард...

Мать:

— Осподи Иеусе. Вот напасть-то...

Алесаша:

...Приветствую солидарность международного движения дантистов...

Лица:

— Маманик, отними ты у него веркало-то, может, он перестанет...

(Мать хватается зеркало. Встрепанный, красный с выпученными глазами Алесаша останавливает речь и обалдевшим взглядом смотрит на мать).

Мать:

— Ну, что ты бельмы-то выдулил? Что тебя расхватило?

Алесаша:

— Мама, мамани, дайпоми ты—я речь ренетирую...

...—Что такое? Сашка! Сашка!

Мать:

— Какую такую речь? Гляди, что наделал. Я тарелку из-за тебя расшибла, Ваньку разбудила, осатанела ты голова!

Лица:

— Какой оратор, подумаешь! Дров наколоть—его негу, а языком барабанишь—как сдельно нанялся...

Алесаша:

— Лица. Ты молчи. У тебя в голове мозгов недохватка. Ты думаешь, речь скавять—это дров нарубить? Дура. Я выражение вырабатываю. Другой оратор отбарабанил и кончено. А здесь надо с толком, с чувством. Ты гляди, я иное слово со слезой скажу, с дрожью в голосе, а в другом слове у меня может стать зазвучать. Этого сразу не добежешь! Вот слушай! (Алесаша становится в позу и «со слезой» начинает): Много, много жертв на путях к победам было у вас, героические товарищи дантисты, но (он принимает героическую позу, и в голосе у него начинает «звучать сталь») вам было на все наплевать. Вы шли и... пришла...

Мать:

— Ну, ты брось эти антимонии разводить! Подурял, и будет. Покачай-ка Ваньку, а мы с Лизушкой в кооператив

пойдем.

(Мать и Лица оделяются. Лица захватывает сумку—обе уходят. Алесаша сидит около «ребеночка». Долго смотрит на него).

Алесаша:

— (Самодовольно) А, уши! А здорово и их пронял речью. Лица чуть не заревела, а мать даже тарелку расшибла. Вот это да... это талант. Ох, и оратор же из меня получается. Ещ, что ли, речь махнуть... Только жал, слушать некому, а в беззвучное пространство неинтересно говорить... (Думает): Стой (смотрит на «ребеночка»), дай-ка я ему словуку заведу. (Поднимает «Ребеночка», сажает его на постельку). Ты, Ванька, сиди думай, что ты съел дантистов, я тебя приветствовать сейчас буду. (Становится в позу). Только слушай лучше... (стальным голосом) Да-ррр-а-г-ен товарищи... От лица многомилошной пионерки раз-решит-те... приветствовать вас («Ребеночек» начинает речью). Ага, до слезы уже прошил! Товарищи, креще держите в своих мозолистых руках серп и молот, креще смичку и помните о той великой задаче, которая стоит у вас на пути. («Ребеночек» начинает надвигаться от крика) Ай да! Ай да! Ох я его как! Всею душой ему вывинтил... (Идет на авансцену). Довко у меня получается, только вот голос немного прихрипывать начал. Чего бы в глотку пропустить. Ага, говорит от голоса лица хорошо помогают... Посмотрим, может найдем...

(Идет в сторону, шарит на нем и находит пакет. Носит его на авансцену. Разворачивает. Вынимает яйцо).

Алесаша:

— Вот оно, голубчик... (Развивает и выливает яйцо. Яйцет и скорлупки бросает на пол). Вот это фансы. Теперь зазвучит. Можно еще разочек махнуть.

(Снова становится в позу перед утихнувшим было «ребеночком» и начинает новую речь. Чем больше вдохновляется и расходится Алесаша, тем яростней крик Ваньки. Под конец Алесаша бросает осмысленную речь, начинает «ваширывать» вместо приветствия песни, стихи и т. д. Когда обоюдные крики достигают наивысшего предела, в комнату входит мать и Лица).

вс

...Иное слово со слезой скажу

Наша жизнь

КАК АЗИЯ ПОПАЛА В ПИОНЕРКИ

Весело гудит кишлак¹⁾. Шумно, как редко бывает. Это пионерский отряд отправился на прогулку. Узбеки в длинных цветных халатах удивленно глядят на здоровых полуголых девочек и мальчиков с ярко-красными платками на шее. Медленно покачиваются головы в тибетейках²⁾, что-то странно лепечут по-своему.

Кишлак пройден. Вечерет. На берегу большого ярка³⁾ пионеры разбивают лагерь, ташат хворост, развязывают костер. Наскоро ужинают. Усталые, засыпают в один миг здоровым сном. Только группа ребят осталась у костра—это звено, оставленное на страже. Все тихо; только пионеры перешептываются, что-то рассказывают друг другу.

Вдруг со стороны кишлака доносятся крики. Все сторожливое вздрагивает, прислушивается. Плач и крики раздаются сильнее. Одна из девочек звенякой говорит:

— Ким, ты останься здесь, а все остальные, айда за мною.

Мать:

— Что такое? Саян! Саян! Лизка, заткни ему глотку!

Лиза:

— Мамы! Смотри-ка, Ванька сейчас помрет!

Мать:

— Саян! Саян!

(Хватает какую-то травку и с ней набрасывается на Алесану. Алесанка, получив несколько шлепков, приходит в себя).

Мать:

— Да ты что это, бедены об'елась? Его, как пуного, оставили, а он тут чуть не погубил мальчонка. Погоди уже отец придет, он тебе такую выволочку задал... (внезапно ее взгляд падает на личико скорлуду). Да ты что-й-то это, никак все яйца стонал... Да ты оцумал совсем...

Алесанка:

— Это я дядя голоса, мамеш. Дядя голоса яйца огачен хорошо...

Мать:

— Ах, ты, песь ты заешь! Да из чего же это я лашку-то буду месить? Из чего-я тебя спрашиваю.

И все, кроме одного пионера, оставшегося сторожить, быстро поспешили к кишлаку, перепрыгивая через ярики. Уже почти добежали до кишлака. Крики смолкли. Ребята в недоумении остановились, не зная, куда бежать. Вдруг к ним навстречу несется маленькая фигурка в длинном куйнаике⁴⁾ и птахах. Это узбечка лет 14-ти испуганная, заплаканная. Все пионерки ее мимом обступили.

— Ты откуда?

— Что с тобою?

— Почему ты плачешь?

Тут раздается голос звеновой:

— Тише, ребята, так нельзя. Кто из вас говорит по-узбекски?

— Я могу — отъезжает одна из пионерок, да еще Ким хорошо говорит по-узбекски, но ты его оставила сторожить лагерь

— Ну, ладно, мы с тобой будем говорить, а остальные молчите.

Алесанка:

— Ну, мама, такой несознательности я от тебя не ожидал. Здесь, можно сказать, выступление в мировом масштабе, а она с какой-то несчастной ладшей дезет.

Мать:

— Да чем же я отца-то буду кормить? Ты мне скажи, чем вас-то пичкать буду?..

Алесанка:

— Я больше не могу, маманьк... Я иду в школу. Не кричи на меня, никакой лашки мне не надо (одевается). Здесь в международном масштабе стараешься, а она с лашкой. Ухожу — приду поздно. (Уходит).

Мать:

— Ну, что ты с ним будешь делать. Вот оглашенный мальчи. И что им в эти отряды позволяют ходить... провалился они провалом, нечистая сила.

(Идет занавес. Выходит пионер)

(Окончание следует)

Узбечка испуганно, озираясь, говорит: — Ой, она, она⁵⁾, пойдем дальше, мы боимся.

— Что же ты боишься?

— Не бойся! — раздается возгласы — Говори. — Она в несвязных словах, чередуя русский язык с узбекским, волнуясь, торопясь и всхлипывая, рассказывает печальную историю.

— Мой отец завтра должен выдать меня замуж и я уже согласилась, но, утром увидав отряд, увидав, как такие же как и я, девочки бегают и играют, вспомнила, что ведь мне нельзя будет после замужества на улицу выйти без паранджи⁶⁾ и чомбета⁷⁾, и муж будет старым, и будет бить меня, так же, как бьет подругу Зинге, которая недавно вышла замуж. Я сегодня после того, как пропшли русские девочки и мальчики, сказала матери: ведь они бегают и играют, хоть они и больше меня, а меня замуж выдают, а я не хочу. Мать стала меня ругать, а потом, так как я не уюмонилась, она позвала отца, который прибыл меня, так как ему хочется получить калым⁸⁾. Он запер меня и ушел в чай-хане⁹⁾, а я по кунаку спустилась через дувал¹⁰⁾ и прибежала сюда. Теперь я не знаю, что мне делать.

Кончив свой рассказ, девочка заплакала опять слезами.

Пионеры заволновались, поговорили между собой и решили взять ее с собой.

— Пойдем с нами, мы тебя устроим, будешь ты нашей сестрой.

— Нет, я боюсь. Отец поймает меня и убьет. Да и куда я пойду.

— Да ведь живем мы в Ташкенте, там много людей, которые тебя защитят. Не бойся, пойдем лучше скорее. А то отец опять хватит тебя и запрет, — заговорили пионерки.

А звеновая выступила вперед и начала ласково уговаривать девочку:

— Не бойся, ничего дурного с тобой не будет. Мы тебя устроим, и ты будешь жить с такими же девочками, как и ты. И ты будешь состоять в пионерах в нашем отряде.

— Ну, ты подумай — сказала она, помолдав немного. — Если тебе сейчас не придется уйти, с нами, что с тобой будет. Поймает отец, запрет, наобьет всю и все равно выдаст замуж. Если же пойдешь с нами, то, когда вырастешь, пойдешь, просватать своих товарищей.

После некоторых уговоров, девочка согласилась, и пионеры вместе с Азией (так звали маленькую девочку) понесли по направлению к лагерю. Поднялся на ноги весь лагерь, рассказали, в чем дело, и через полчаса часа весь отряд в полном порядке выступил в обратный путь.

Среди взрослых и здоровых пионеров потешно выделялась при свете луны — тоненькая тигудунная фигурка Азии в длинных птахах и с множеством тоненьких косичек на голове. Девочка громко смеялась, хотя слезы еще не высохли

¹⁾ Кишлак — узбекская деревня.

²⁾ Тибетейка — круглая шапочка, носимая узбеками.

³⁾ Ярлык — канава при искусственном орошении.

⁴⁾ Куйнаик — длинная рубашка, которую носят узбеки.

⁵⁾ Она — по-узбекски сестра.

⁶⁾ Паранджа — верхнее одеяние, без которого узбеки не могут выйти на улицу.

⁷⁾ Чомбет — волосная сетка, без которой узбечка не может выйти на улицу.

⁸⁾ Калым — выкуп за невесту.

⁹⁾ Чай-хане — узбекская чайная.

¹⁰⁾ Дувал — глиняный забор.

на глазах. Смеялась она не от сознания, что ее жизнь решается в хорошую сторону, а ее просто забывали пуглики пионеров и необычайность положения.

Итак Азия ушла с пионерами, и к утру весь отряд был в Ташкенте.

Через год никто не узнал бы в бойкой званой—командирующей звеном пионер-убавков, тонкой, щедродушной Азиз.

Когда пионеры привели ее в Ташкент и устроили в интернате, Азизе было очень трудно. И первое время она очень много плакала и горевала. Потом пионеры общими усилиями заставили ее забыть свое горе, свою печаль, втянули в пионерскую работу. И когда она стала учиться в советской школе, она совсем забыла свой страх и росла с мыслью, что, кончив школу, пойдет проповедать своих товарищ в расколке им про свободную женщину. Рассказывает о том, что ни за какой калям нельзя ни купить, ни продать женщину, и что женщина тоже человек, как и мужчина.

Пионерка отряда им. Дзержинского
Ташкент Воля Милованова

ДОЛОЙ ФОРМУ В ПИОНЕР-ОТЯДАХ

У нас на Украине теперь вводится форма в отрядах. У ребят только и слышны разговоры про то, что у нас, мол, есть уже форма, а некоторые ребята говорят, что у них нет еще, и получают соревнование, у кого раньше будет форма.

По-моему, форма является скаутским пережитком, воякиной. Если уже необходимо наружное отличие пионеров от других ребят, то знак пионеров есть красивый галстук, и другого нам не нужно.

А между тем, ребята не понимают о том, что можно иметь на 100 руб. вместо формы? Это—подписаться на журналы, купить бы лютучку, записаться в МОПР, в Авиахим и так далее.

По-моему форма—лендужная похвальность, и хотя она (форма) ребятам нравится, ее все-таки нужно—уничтожить. Долой форму в пионер-отрядах!

Пионер 34 отряда Ленинского района
г. Киев. В. Глебов

ПИОНЕРЫ ЗЫРЯНЕ

Пионердзиченне пришло в самые отдаленные уголки СССР. Даже в области Коми везде знают про «пионериев».

Раньше работы в пионер-отрядах велось мало. Но повсюду пионеры начали поднимать свой авторитет: где мостик через реку починят, кому помогут вспахать поле или сборять, а крестьяне и рады неожиданным помощникам.

«Да, пионери-то не лодыричают, а делу учатся»,— говорят крестьяне.

Пионером приходится вести ожесточенную борьбу с темной деревней. Упала звезда с неба—перекрестится зырянки: «За упокой души»,— скажет, —«вод-де, умер человек какой-то, царствие ему небесное».

Зырянские ребята довольно сильные и здоровые. С отцами они зимой за 10—20 верст уезжают рубить лес. Там они живут в лесных «баньках». Ребята обрубают топориками ветки с деревьев и исполняют мелкие работы.

Теперь в каждом почти большом селе есть отряд зырянских ребят.

В. Прудыльников

Наши братья на Западе и Востоке

В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ

Мы, эйрдейльские дети, учимся в школе, находящейся в Глазго, в поучее ходьбы от Эйрдейль. В нути мы до того забьем, что, придя в школу, долго не можем согреться. Вокруг печи всегда можно видеть греющихся детей.

Дня учителя у нас есть в школе особая комната, с большим камином и удобным диваном. Однажды во время урока в 3-м классе одна девочка болтала. Учитель вызвал ее и ударил линейкой по руке, и линейка сломалась. Девочка сказала, что она р-скажет об этом матери. Чтобы отучить препод вателя бить учеников линейкой по рукам, мальчики изготовили смолы и натерли себе руки, чтобы сделать их жестче.

Зимой, когда мы опаздываем, учителя бьют нас линейкой по одер веником от мороза нальдам, и мы кричим от боли. Поэтому мы хотим добиться, чтобы учителя не дрались линейками. Большинство детей приходится оставаться на обед в школе, потому что не хватает времени сходить домой пообедать и вернуться в школу.

Идя в школу, мы берем с собой хлеб и завернем его в газету. По дороге бум-ба размокает от снега, и мы едим мокрый хлеб.

На уроках истории нам только и рассказывают, что о королях и королевах, о великих князьях и о лордах, которые жили много лет тому назад. Учитель говорит, что нынешний король самый лучший из всех английских королей. Они говорят это потому, что они—кап-тали-стические учителя. Они ничего не говорят

нам о Ленине, Либнехте, Розе Люксембург и Карле Марксе. У нас слышно много детей в школе, чтобы учителя могли нас как сгодует ушты. Мы хотим, чтобы в каждом классе было больше детей.

С вами—за коммунизм!

Глазго-школа-школьная группа

ПИСЬМО ИЗ АМЕРИКИ

Мы опишем вам свою жизнь в Детской Секции У нас в городе есть гимназия для девочек и мальчиков. У нас в классе масса народу. Мы получаем каждую неделю «Юный Тов рич» и очень любим эту газету, потому что в ней всегда есть что-нибудь такое, что нам нужно. Я уверен, что другие дети тоже любят ее, по ому что в ней никогда не шит не-правды. Мы ненави-имк ита-дети-скую школу за то, что она заставляет учить библию. И вот комсомольская школа—это совсем другое. Там не нужно зубрить библиейских текстов. Там мы слушаем то, о чем и шут в «Юном Товарище».

Мы очень любим комсомольскую школу, потому что там даже 6-летние дети не учатся почитать, что такое капитализм. Каждое воскресенье комсомол устраивает какой-нибудь спектакль или лекцию. Детская Секция тоже устраивает что-нибудь во воскресенье. Последний раз на собрании выступил 11-летний мальчик из детской группы. Он сказал речь. Каждый раз, когда детей как зывают, они говорят об этом на собрании, и члены детской группы заминают это.

Писните нам по мере.

С любовью им привет Детская
Группа. Монессен Штат Пенсилвания.

(Сев.-Американские Соединенные Штаты).

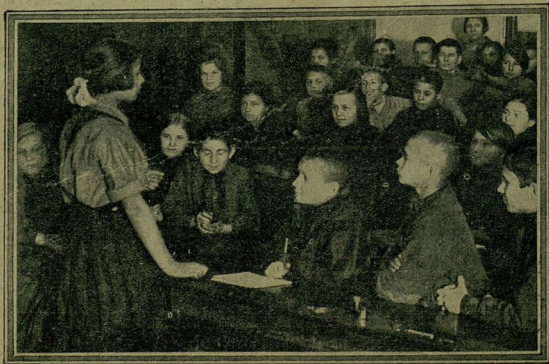
Как мы живем в Китае.

(К статье на предыдущей странице).

Задолго до революции царское правительство построило в Китае Восточно-Китайскую железную дорогу. Под предлогом защиты дороги, Россия ввела в Китай громадную армию, чтоб, в конце концов, захватить Манчжурию (часть Китая, где проходит железная дорога) в свои руки.

Советский Союз не преследует захватнических целей и предоставил охрану дороги китайским властям, установив совместное управление ею.

В Манчжурии же теперь вступает контр-революционный китайский генерал Чжан-Цао-Ли, который несмотря на договор с Советским Союзом допускает, а иногда и сам устраивает избиения советских граждан, грозит профсоюзам, и как вы узнаете из письма на след. стр., всячески притесняет комсомольцев и пионеров детей рабочих и служащих Кит.-Вост. жел. дор. Неловно наглого его дшлдо того, что он арестовал управляющего дорогой тов. Иванова. После протеста Советского правительства тов. Иванов был освобожден.

На пустом уроке в школе

Как мы живем в Китае

вышли из собрания. Фашисты, разогнав гуляющую дублюку, кричали «Бей

Я пишу вам из далекого Китая, на станции Пограничная, в полдое отчуждения Китайско-Восточной ж. д.

Весь 1923 год пионеры работу вели деятельно, т.-е. мы свободно собирались, устраивали парады с кружными знаменами, и полиция нам не препятствовала. Летом стояли в лагере неделю: более стоять запретила полиция. В 1925 году устраивали парады вместе с Единой Трудовой Школой II-й ступени, но уже без галстуков: полиция запретила их носить.

В Международную Детскую Неделю мы без разрешения полиции носили красные галстуки. Как раз к этому времени началась нажим полиции на профсоюзы, женотдел, а также и на нас. На одном из соборов отряда нам вожатая отряда объявила, что мы переходим на нелегальное положение, иначе может нас раскусить полиция.

В настоящее время мы собираемся звеньями тайком по квартирам, где и проводим звеньевую работу. Хотя полиция и запретила носить пионерам галстуки, но мы понемногу носим.

Теперь, товарищи, я скажу несколько слов о врагах нашей организации, которые существуют в полдое отчуждения. Их не преследует полиция, среди них много китайских поданных белогвардейцев, бывших русских. Фашистские организации здесь имеют разные названия, например: «Чжэнь кодьлю», «Мушкетеры», «Скауты», «Крестовосны», «Хунсианский союз молодых людей» и другие; они все преследуют одну и ту же цель, а именно, «бить красных» — это их главная работа. Особенно часто происходит избиения в городе Харбине; реже — по линии полдое отчуждения.

На ст. Пограничная весной 1925 года было столкновение между нашими и фашистами.

Дело произошло так: на одной из улиц Пограничной, которая называется «Большой», все дв гуляла молодежь, особенно под вечер. Наших пионеров здесь было около

8-ми человек. Комсомольцев почти не было, фашистов здесь гуляла делая свора. Все время гуляя, они еще до этого вечера придирались к пионерам, но получили отпор со стороны комсомольцев. В этот вечер, около 10-ти часов ночи, раздался резкий свисток, затем дв убой, и вся свора фашистов, вооруженная палками, кинулась на наших. Вблизи находилось железнодорожное сооружение. Там были комсомольцы, которые, улыбая шум на улице,

комсомольцев», «Бей изменников царя» и т. п. Наших комсомольцев было человек девять. Они тоже с криками «смерть фашизму» бросились вразучать гаших ребят. Вся свора фашистов бросилась к своему штабу — обществу нашему собранию. Нашим товарищам пришлось повернуть обратно, так как там появились вооруженные китайские солдаты, которых вызвала фашистская организация. Некоторым фашистам досталось так, что на другой день они были в больнице. Эти драки фашисты устраивают с тем, чтобы полицейские после этого стали бы разгонять комсомольские организации.

Вызывают такие случаи по линии Кит.-Восточной ж. д., а главным образом в Харбине, когда фашисты, собираясь по 20 человек, избивают одного комсомольца или пионера, в это время один фашист идет за полицией. Полиция арестовывает избитого, а наши враги остаются безнаказанными. Но мы знаем, что не только нас преследуют полицейские, и ребят других стран, кроме СССР, где они свободны и работают, ходят в гад туках, устывают лагерь и тому подобное. Наши пионеры с ранних лет уже знакомятся с работой полицейского, с тюрьмой и т. п. Однажды на какой-то станции арестовали октябрь 5, 6 и 7 лет. Вот до чего доходит угнетение!

ВВЕРХУ: Китайские крестьянские ребята, В СЕРЕДИНЕ: Японские девочки идут в школу, ВНИЗУ: Ребята детского дома английских профсоюзов

И. Яковенко

1-й Пограничный отряд

А. Горлов

Как украсить клуб

Зашел как-то я к знакомым ребятам в клуб.

— Где, спрашиваю, пионерская комната?
— Вот, — говорит мне, — направо.

Открываю дверь. В глазах зарыбило, цветочки, ленточки, красные, синие, затейливые узоры, какие-то странные знаки. Постоял немного. Осмотрелся. Странные знаки оказались лихо закрученными буквами, которые соединялись в непонятно написанные слова.

— Ну как, здорово? — спрашивают меня пионеры.

— Здорово, отвечаю, очень здорово, только непонятно, что же это все означает?

Оказывается, ребята украсили свою комнату к ленинским дням.

И сделали так, как делают это в большинстве случаев.

Как у нас это делается? — Да очень просто: — бегут к взрослым, посмотрят, как у них, и начинают.

Увидели красную матерью — приколачивают ее. Приколотили. Как, красиво? Красиво — крой дальше!

Поставили бюст Ленина, обвили черной с красной материей, да 2-3 лозунга повесили.

— Здорово, говорят, как и в большом клубе!.. А надо признать, что у нас еще очень мало рабочих клубов, где эта сторона действительно хорошо оборудована.

А в звеньевых уголках, чего, чего там не найдешь: и цветочки, и ленточные звезды, и просто картинчики, а разобравшись по такому уголку в том, что делает звено, как работает, — никак нельзя.

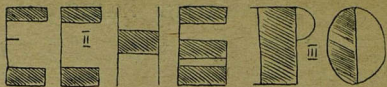
И вот, когда помотришь на все это понабывавшее, никак не можешь понять — для чего это?

Ведь клуб не селка, на которую чем больше барахла повешаешь, тем лучше. — Так, говорят, красивее. Но так рассуждать нельзя. Нужно хорошенько подумать и понять: во первых, — зачем нам нужен клуб, во вторых — чего мы от него хотим. Когда нам будет понятно это, — то будет ясно, что нам нужно делать в клубе.

— Для чего мы устраиваем клуб?

— Для того, чтобы можно было ребятам собираться вместе, вести сообща полезную общественную работу, научиться коллективно работать, учиться ремеслам и т. д. и т. п.

Клуб это место, где мы готовимся к будущей общественной работе.

Как не надо писать буквы

Внешность клуба должна быть сделана так, чтобы помогать в этой работе, настраивать на нее, напоминать нам о том, что мы должны делать. Бантики, доскуты материя, звезды и пр. помогают нам в работе? — Конечно, нет. Пунжи нам опи? — Конечно нет.

Что же нам нужно?

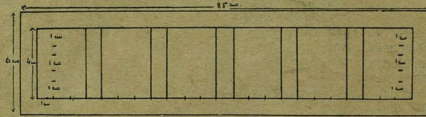
Это — первый вопрос, который должен поставить перед собой каждый приступающий к работе. А нужных вещей много.

1. Нужно помочь новому приходящему в клуб разобратся в том, что делается в клубе, какая работа ведется в нем, куда ему пойти за справкой и т. д. В этом ему поможет:

- а. Указатель по клубу.
- б. Схема клуба.

Каркас для лозунга

Разметка лозунга

в. Расписание дежурств по клубу.

г. Расписание работы клуба.

II. Нужно показать, что в данный день делают в клубе, живую газету, игры, и т. п. Нужны яркие доски:

а. «Сегодня в клубе». Доска объявлений (для работающих в клубе). «Синими пальто», «Витри ногги».

III. Живые яркие пионерские лозунги.

Здесь я говорил о входе в клуб. Вход в клуб имеет очень большое значение. Здесь нужно дать зарядку приходящему, настроить его.

Не нужно мельчить вещью, а нужно делать их поирче, покрупнее.

Мы пришедшего ввели в клуб, заинтересовали его, зарядили. Он узнал, где что находится, какая работа ведется, по одной схеме и указателя мало. А если ребятам захочется посмотреть, как работает, предложим, стоярная мастерская, сколько и каких вещей сделано в ней. Что же? Вы будете бегать по клубу, собирать табуретки, скамейки, показывать их? — Конечно, нет.

А работа звена, всего отряда? — И вот необходимо сделать уголки, показывающие и отражающие эту работу.

1. Звеньевые уголки.
2. Отрядный уголок.
3. Уголок Ленина.
4. Мо и пр'а.
5. Авахима.
6. Читальни.
7. Мастерской.
8. Санкома.

В следующий раз, когда мы будем говорить о том, как делать каждую отдельную вещь, мы поговорим и об уголках. Мы считаем, что особенно увлекательным расширением уголков Авахима, Мо и пр. не следует, т. к. часто из-за отсутствия места страдает отражение работы пионеров.

«Лучше меньше да лучше».

ЛОЗУНГ

должен быть живым, близким и понятным пионеру. Нужно стараться подбирать лозунги покороче, т. к. читают их много времени на чтение не уделяют.

Пример лозунга:

«Тот хорош отряд, который организовал деревенских ребят».

Лозунги в мастерской тоже лучше писать такие, которые отражают работу этой мастерской, а не общего характера. Пример неудачного лозунга: «Терпение и труд буржуазно сотрут».

Пример удачного (для столярной мастерской): «Берем мы пилы, рубанки, клещи — делаем сразу нужные вещи».

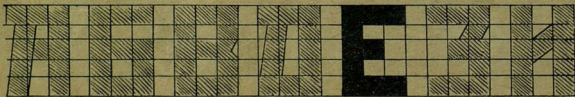
Для переплетной: «В переплете книга удобней и крепче, мы, переплетчики, книгу леем».

Для читальни: «10 книг прочитанных лучше 1000 пропалченных». Такой лозунг можно иллюстрировать, т. е. сделать к нему рисунок.

Очень большое значение имеет место, где повешен лозунг. Напр., физкультурный лозунг, повешенный при входе, не запомнится, т. к. здесь человек занят совсем, другим и, наоборот, если будет в том месте, где вы занимаетесь физкультурой, он поможет понять важность ее и запомнится.

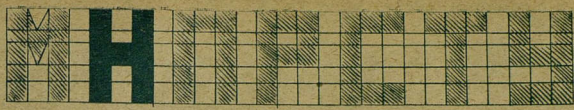
КАК ПИСАТЬ ЛОЗУНГ

Очень часто ребята стараются «покрасивее» написать и заковыривают; такие буквы, что для того, чтобы прочесть слово, приходится по несколько минут разбирать его; чаще всего издали ничего даже прочесть нельзя (рис. 1). Буква тогда только и хороша, когда она четкая,

Как надо писать буквы

пробрета и легко читается. Она и сделана для того, чтобы читать ее, а стараться из нее делать украшения—это все равно, что высот коньков, которые сделаны для катания, напешить на ноги джосту с завитушками. Посмотрите для примера на вывески, где вы найдете такие загогулины, которые часто пишут в клубе.

Образцы букв

Заставить прочесть лозунг, сделать его интересным можно только краской и хорошим расположением слов.

Почти всегда ребята пишут шрифт без линий. Края у букв получаются неровные и весь он приобретает перьяшлый, неприятный вид.

Как не надо раскршивать буквы

Лучшим шрифтом для лозунга, куда будет простой, прямой шрифт.

Пишется он так:

1. Разметка. Предположим, вам нужно написать слово «уголок» на бумажке в 6 вершков или сантиметра в ширину и 25 см в длину.

Нужно оставить поля (возьмем по одному см. каждую сторону). В слове 5 промежутков между буквами (возьмем тоже по см). Итак, у нас получится если мы сверху и снизу отнимем по 1-му сантиметру $6 - 2 = 4$ см. — Высота буквы будет 4 см. Длина бумаги 25 см. — 2 на поля, — 5 на промежутки между буквами, всего на 6 букв останется $25 - 2 - 5 = 18$; каждая буква будет шириной $18 : 6 = 3$ см. Возьмем и отделим 6 букв на бумажке и отделим их черточками одну от другой.

Теперь буквы у нас одинаковые. Важно, чтобы и палочки или столбики, из которых построена буква, были тоже одинаковой толщины.

Расстояние между буквами и столбиками обязательно равно толщине палочки. Ширину буквы 3 см просе асею разделить на 3 равные части, т.е. каждая палочка будет шириной в 1 см.

Отметим их в каждой букве. Отметим верхнюю, среднюю и нижнюю перекладины.

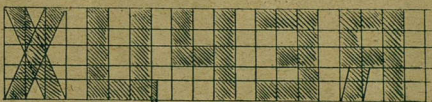
Проведем через все точки линии. Каркас готов. С ним, правда, нужно повозиться, но зато как легко по нем писать буквы, вы убедитесь на работе. Начинаем писать. Карандашем затушевывайте клетки, которые нужно заполнить, а потом покрасьте краской. Краской лучше заливает так: сначала обведите края, затем, когда линия будет достаточно толстая, заливайте середину. Тогда вы не заедете за края, и буква получится аккуратная и четкая.

Как писать остальные буквы. Буквы: Ш, Ц, Ю. Ы нужно брать больше, т.к. они состоят не из 4-х, а из 3-х столбиков. Ш, Ц, Ю, Ы нужно брать на 1 столбик шире, Ж—на 2 столбика шире.

РАСЦВЕТКА БУКВ

Мне много приходилось видеть лозунгов, в которых буквы или раскрашены полосками в разные цвета, или все буквы в одном слове взяты разными красками. Такие приемы или разбивают форму отдельной буквы, или само слово разбивают на ряд красочных ячеек, от которых рябит в глазах. Буква и слово — это цельные вещи и их нужно брать цельным цветом; если какое-либо слово нужно выделить, подчеркнуть, то его можно взять другой, более яркой краской. Тогда в такой расцветке будет смысл. Если слово или фразу нужно особенно подчеркнуть, выделить, можно и нужно не только дать другим цветом, но и увеличить его буквы. Напр.: «Пионер, работа, учаея, песню крича, помни завет Ильича!».

Здесь самое главное: Пионер, помни завет Ильича. Остальные только дополнение, напоминает, что помнить надо всегда. Эти дополняющие слова можно взять желтые и другой краской. Во всяком рисунке, плакате, лозунге происходит то же, что и в песне. Если песню станут петь одним тоном — никто слушать не станет. Она тем и действует на нас, что звуки берутся то сильнее, то тише. Ло-

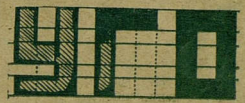
Образцы букв

зунг, написанный одной краской, одинаковыми по величине буквами,—то же, что однотоное пение. Сделайте из лозунга вещь, которую так же интересно было бы зрительно смотреть, как слушаться слушать

сению. Остаются не особенно важные слова, усиляйте ярким, нужным, самыми главными, и лозунг сразу будет живым, но следите, чтобы сильнее не задавило совсем слабее— тут тоже нужна мера. Более легкие части лучше помешать сверху, тяжелые—внизу. И здесь, как и раньше, нужно думать и внять, зачем и почему ты красишь так, а не иначе; для «красоты» размазывать краску—ничего из лозунга не выйдет.

РАСКРАСКА ЛОЗУНГА

Раскраску лозунга тоже нужно хорошо обдумать. Есть равные лозунги—

Как надо покрывать краской буквы

веселые, бодрые, печальные, тяжелые по воспоминаниям, или просто ударные, четкие и т. п. Точно так же и краски разделяются на веселые, яркие; желтая, красная (киноварь), ярко-зеленая, оранжевая и др.

Есть тяжелые, холодные—черная, синяя, фиолетовая, коричневая (умбра) и др. Так вот, смотря по тому, какой по содержанию лозунг, нужно брать и краски. Мне приходилось читать лозунги, связанные со смертью Ильича, написанные желтенькой красочкой,—получается неприятное впечатление.

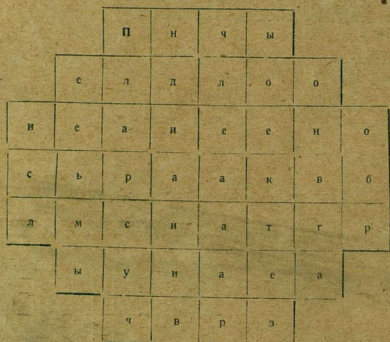
Но и раскрашивать только одним яркими или только одним темными (темными еще можно) нельзя. Их яркость пропадет. Они переубят одна другую. Это все равно, что днем зажечь электричество; его не будет заметно, зато вечером оно, по сравнению с улицей, ярко и светло. Для того, чтобы подчеркнуть яркость,—нужно дать и темного. Только в веселом лозунге яркого будет больше, а в печальном или совсем не будет или будет гораздо меньше, чем в веселом.

Очень полезно перед тем, как писать плакат, нарезать различной величины и различных цветов бумажки и попробовать подожечь один цвет на другой. Тогда уж вы не ошибетесь, какой цвет вам лучше взять.

А то бывают также неприятности: синий цвет с жемчужной синею (коричневая-красный тон)—хорошее сочетание и, синие буквы на коричневом-красном фоне хороши, а коричневый цвет на синем фоне гораздо хуже. Можно написать несколько букв и попробовать их на различных фонах. Такая работа нужна и очень полезна жет вам.

Прежде, чем писать лозунг, нужно хорошо продумать его содержание и соответственно с этим раскрасить.

Отгадай

№ 8 Задача.
«Ход коня».
(Пионер Белоусов).

Ходом шахматного коня прочитай лозунг.

Пример: «К» Конь ходит два шага вперед и один в сторону. Например: с клеткой с буквой «д» (в 3 ряду) он может пойти на клетки с буквами: «Н», «Л», «А», «И», «М» и «С». Начать ход надо с жирной буквы.

Ответы на стихи

Репалиней просмотрено ровно его двадцать три стихотворения, скончившихся за последние время. Участь их печальна. Только «Снежная бой» — Николая Карасева, «На коньках» — В. Придильчикова, «На льду» — П. Штернова, «Был» — Миша Мартынова и «Заглазку» — М. Рудина мало-мальски годны к печати.

На первый взгляд дело плохо — так много ребята стараются, пишут и так мало попадает в журнал.

Написать под настроением стихик, другой легко, иногда выйдет хорошо, иногда плохо. Ничего в этом особенного нет. Так пишут все ребята. Многое о чем пишут в стихах можно было бы написать заметкой, но ребятам хочется написать поздравитель, побойче, для того пытаются писать стихами.

Ребята в стихах — небольшие специалисты. Написанное получается коряво; для стелгаза, конечно, годно, но для печати в центральном журнале такие слухи не годятся.

Опыты Е. Виноградовой (Сользыхинского), стихи Землюкина (Виск), Н. Стефановича — «Ревизор», «Намаз П. Пластина (Златоуст) Соколовского С., Леонида Кручинина, Штанова А., Ф. Крашенников, Аленко Сатарова, Викт. Жичина, А. Левина в журнал не пойдут, но для стелгаза вполне годный материал.

Много стихов написано просто-напросто не складно, без рифмы и их неинтересно никому читать.

Например:

Раздается Красное знамя,
Слышится гром барабана.
Это шагает отряд
Левой, левой, левой.
(Овсянников).

Дальше в том же духе и не складно, и скучно, и ничего нового не говорится.
Или вот: «Песнь пионеров»:

«Коммунизм просвещение наше,
Идет за него всемирная борьба.
Эй, ввязьтесь все в красные знамена,
Пойдем мы на смену
Усталым борцам.
(Борис Сокол.)

Это два образца; так же написаны и другие стихи; есть интересное, но-ного лучше, но ничем особенным из общей массы не выделяются и в журнале печатать их не годится.

Стихи Лешки Агитатора (Ростов и/Дон), Ал. Супрунова, Ник. Тусева, В. Курьянинов, Китая И., Николаева Е., Митрофановой А., Новоселова И., К. Струкова — скучноваты и не пойдут.

Есть стихи, написанные одними общими фразами, лозунгами, под забытыми словами: «Эй, в пионеры! «Смена смене» и т. д. Например:

«Будьте готовы, товарищи, к бою,
Лейся могучей рекою наш клич,
Смысл идем мы за Красной Звездой.
Как говорил нам Владимир Ильич.
Неугасимое пламя свободы
В юных сердцах мы пожаром зажжем и т. д.
(Ф. Плевако).

Можно обрывать такое стихоплетение и можно продолжать до бесконечности. Ничего нового, ничего, кроме общих фраз. И таких стихов целая куча, все они друг на друга похожи. Хотя некоторые из них написаны очень, хорошо рифмованы, но содержание скучное и лучше не печатать, и поэтому стихи Е. Былинского, С. Павлова, С. Немова, «Комсомолу» — М. Рудина, В. Наемкина, В. Выхля, К. Райлина, И. Свельника, В. Макаренчик, Вл. Бух, И. Конкина, И. Яковлево, Г. Боголазова, Вол. Штанова, Сергея Ралостова, Льва Вонярова, Л. Зенкина, Лешки Агитатора, Зуни А., Евг. Борского, Гити Баргума, Л. Логинова, А. Тимофеева, С. Златушкиной, Бори Аюсовского, В. Матурина, Н. Давыдова, Лены Коргокова, Л. Пластина — не пойдут.

Много стихов написано ребятами в подражание известным поэтам, например, Некрасову.
«Паро»:

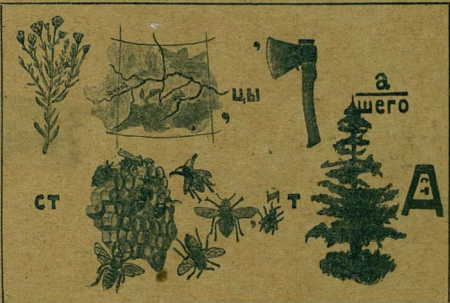
... И, склонившись над бумажкой
Он писал опять
И глядела с тихой лаской
На пионера мать...

Есть написанные под «Кирпичика» (Милеев), под другие известные песни, получается плохо потому, что эти мотивы так приелись, так надели, что повторять их только другими словами не стоит.

Стихи Е. Виноградовой, А. Кузьминкова, «Наступил» — А. Штанова, М. Соколовского, «Плохо о Буланове» — Ильи Каминской (хотят и написана не плохо, с чувством), стихи В. Сверчковая С. Павлова, Вити В., Спартака Кушенов, П. Кузнецова (у него не галстуки, а «галстучек» атласный, все чересчур по-детски), как писали для

Монтеру поручили для освещения пятиконечной звезды пронести электричество и вставить 40 лампочек с таким расчетом, чтобы в каждой из 5 линий, составляющих звезду, было по 10 лампочек. Но после оказалось, что лампочек не хватало для клуба, и монтер принужден был сократить количество их на 15 штук. Монтер все же решил добиться того, чтобы, и при этом количестве лампочек в каждом ряду было их по 10. Узнать, как это удалось сделать монтеру.

№ 11. Р е б у с .

летей раньше, самим себе так писать нельзя). А. Рыжика, Колот. Доржова и др. — все издано на прошлой неделе.

«Есть небольшая часть стихков, написанная очень уж серьезно не по-своему, по-пионерски а по-взрослому.

Например, «Пикора (Харик, Баку):
Я, может, быть, не грозе,
Я маленький пионер,
Но я всегда серьезен,
Я будущий рабкор.

Дальше еще «Стурезный», и получается не веселый и сообразительный паренек, а какой-то маленький старичок. Зачем нарочито морщить лоб: это пионером не клику и стихи, приспанные Ольгой Чесноковой, Глебом Рамо, Ал. Аманшиним, Витей Волхониковым, С. Ходько, М. Калинин и Т. Акиановой, В. Шерговым, Н. Карашевым, Гр. Ивановым и др. написаны по-взрослому, с такой напыщенной серьезностью — не пойдут.

Нет ни одного удачного стихотворения, посвященного Ленину.

Некоторые из них поверхностные, лозунговые; в других Ленина представляют совершенно неверно.

Например:
И валрут... его не стало.
Его — кто даровал (?) свободу.

Пишет кто-то без фамилии. Это не про Ленина, а про какого-то шарлатана-«создателя» написал бы так придворный льстец.

Ленин не даровал свободу: ее взяли рабочие и крестьянские массы, руководимые нашей партией, во главе которой стоял Ленин. Без партии, без рабочих масс Ленин ничего бы не мог сделать. Он был вождь, а не царь.

Так же в стихах и у других ребят много стихов неумелых, подражательных, ни одного удачного. Не так надо писать, надо по-своему, проще, теплее, без трескучих фраз.

Не пойдут стихи А. Штанова, Г. Державина, Жуликова Петра, В. Курьянинова, В. Смирнова — «На смерть Фрунзе», Нины Каргашиной — «На смерть Сун-Ят-Саяна», В. Логинова и др.

Все ребята, приславшая свои вещи, убедительно просят ответить лично, письмом, дать указания, как писать и тому подобное, но писем так много, что нет возможности ответить таким способом. Пусть каждый читает внимательно ответы и найдает в них полезное для себя.